

В. Г. Кудрявцев

**Деревянное
зодчество
марийцев**

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева
при Правительстве Республики Марий Эл

В.Г. Кудрявцев

**ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО
МАРИЙЦЕВ**

Йошкар-Ола
2004

УДК 72
ББК 85. 113 (2)
К 887

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
при Правительстве Республики Марий Эл

Рецензент:

член Союза архитекторов России В.В. Мамуткин

К 887 Кудрявцев В.Г.

**Деревянное зодчество марийцев: Монография. –
Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 120 с., ил.
ISBN 5-94950-015-6**

В книге рассматриваются материалы по марийскому народному зодчеству; дается анализ планировочных и архитектурных особенностей деревень и усадеб, жилищ и хозяйственных построек, культовых мест.

Рекомендуется архитекторам, этнографам, искусствоведам, студентам вузов и средних учебных заведений, а также всем, кто интересуется культурой марийского народа.

ISBN 5-94950-015-6

ББК 85. 113 (2)

© МарНИИЯЛИ, 2004
© Кудрявцев В.Г., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Деревянное зодчество марийцев является частью традиционной народной культуры. Его изучение может дать представления о формировании, становлении и развитии основных архитектурно-строительных приемов, эволюции художественного вкуса и мировосприятия.

Поселения марийцев представляют собой сложный комплекс, включающий не только жилые и хозяйственно-бытовые постройки, но и хозяйственные угодья, культовые места, кладбища. На формирование внешнего вида поселений и жилищ существенное влияние оказали экологическая среда обитания этноса, тип хозяйства, социально-экономические и политические условия, обычаи и традиции, эстетические и религиозно-мифологические представления народа.

Для сохранения своеобразного облика местной архитектуры необходимо не поверхностное изучение отдельных деталей, а глубокое исследование всех принципиальных и непреходящих факторов народного творчества, выявление характерных региональных и этнических особенностей. Поэтому важно обратиться к имеющимся особенностям зодчества прошлых эпох – архитектурному наследию, накопленному строительному опыту, прогрессивным историческим традициям деревянного зодчества. Анализ сложившихся в определенных климатических условиях планировочных традиций, функциональных, художественно-эстетических особенностей в организации жилой среды дает представление о формировании облика современных сел и деревень. Все полезное и ценное, приобретенное веками, является примером для творческого подражания и переосмысления в настоящем и будущем. Современные

архитекторы, изучая особенности и закономерности развития народного зодчества, могут творчески переосмыслить эти традиции и своевременно повлиять на модернизацию технологических процессов. Их основной задачей является проектирование не только самих объектов, но и создание целостной архитектурной композиции в окружающем пространстве, которое становится и средой жизнедеятельности человека, и важнейшим средством идейно-эмоционального воздействия.

Каждое новое поколение по-своему оценивает историческое наследие, находя в нем ответы именно на те вопросы, которые встают перед обществом, переосмысливает и открывает в нем новые качества, еще не познанные и часто по достоинству не оцененные. Изучение зодчества дает возможность проследить эволюцию народного наследия. Ю.С. Ушаков, рассматривая проблемы архитектуры русского Севера, своевременно замечает, что время ставит задачу целостного анализа архитектурно-природного комплекса, познания традиций организации жилой среды и установления закономерностей народного подхода в создании гармонически организованного пространства. Исследование архитектурного наследия является определяющим моментом в создании теории деревянного зодчества, разработка которой может способствовать установлению основных принципов национального своеобразия современной архитектуры [Ушаков 1982: 12].

Археологический материал Марийского Поволжья выявляет преемственность строительных традиций начиная с эпохи мезолита. Если тип землянки или полуземлянки с наличием котлована жилища прямоугольной формы продиктован природным материалом (ствол дерева), то другие конструктивные приемы, по мнению В.С. Патрушева, «...могут быть связаны именно с традициями. Древние традиции элементов жилищ сохраняются в расположении столбов, очагов, хозяйственных ям, нар и др. Любопытно отметить, что изменение общей планировки нередко не касается внутренней планировки жилища» [Патрушев 1982: 130–131]. Важные конструктивные элементы и формы были выработаны

в глубокой древности, которые впоследствии стали характерными для материальной культуры. Мезолитическое жилище составлял углубленный в землю на 0,5 – 1 м котлован четырехугольных (реже овальных) очертаний, перекрытие в виде двускатной крыши. В неолите четырехугольные и овальные сооружения имели углубленный котлован и «...предполагали устройство наземного перекрытия конической, сферической или шалашевидной формы» [Никитин 1997: 8]. В ходе изучения древних поселений и жилищ мордвы, ее близких и далеких предков этнограф Е.И. Горюнова пришла к выводу, что со второй половины II тысячелетия до н.э. (эпохи бронзы) и вплоть до середины II тысячелетия н.э. наиболее распространенным типом жилища на древнемордовской территории были полуземляночные жилища. А легкие наземные жилища имели столбовую конструкцию с шатровым верхом, также в жилищах ранних поселений встречались примитивные открытые очаги, которые примерно с начала I тысячелетия н.э. почти повсеместно сменились глинобитной печью типа камина – чувалом, просуществовавшим у мордвы до XVII в. [Горюнова 1963: 145–146]. Древние поселения предков мордвы представляли собой городища. Приблизительно в VI–VII вв., в связи с усилением роли земледелия и ростом населения, близ городищ стали возникать неукрепленные поселения – селища. Они представляли первоначально заимки отдельных семей, связанные с городищем лишь как с убежищем на случай опасности. Зимницы вначале были однодворными поселениями, основывались обычно на лесных полянах, используемых для хлебопашества. С ростом населения зимницы превращались в починки и деревни [Макушкин 1963: 147]. Например, у марийцев городище Галанкина Гора (территория современного Юринского района, VII в. до н.э.) находилось на берегу водоема на реке Волге. Жилые сооружения там располагались в два ряда. По мнению археологов, в результате раскопок обнаружено несколько, очевидно, погребов, фундаменты домов; места отдельно стоящих столбов вокруг очагов, возможно, были местами жертвенников или навесов [Никитин, Соловьев 2002]. По

археологическим данным, переход от землянок к наземным жилищам был совершен в раннеананьинских поселениях.

Столб является древней архаичной конструкцией жилища лесостепного Поволжья. Его прототипом, по мнению Н.А. Лифанова, очевидно, «...являлось дерево, в мифологическом сознании принимавшее вид «Мирового Древа» – оси мира, связующей «верхний» и «нижний» миры. В качестве «верхнего мира» – небесного купола – выступала шатровая крыша жилища. «Нижний мир» находился под полом постройки, которая сама по себе выступала как «средний мир» – обиталище людей. Центральная часть дома приобретала, таким образом, сакральное значение, а расположенный в ней открытый очаг, кроме кухонной и отопительной, выполнял функцию домашнего алтаря. Кроме того, сакральная роль столба, возможно, выражалась и в олицетворении им предка-покровителя дома... Следующим этапом в процессе его «отмирания», очевидно, стало существование жилищ без центрального столба, но с сохранением открытого очага в центре основания постройки. В этих жилищах сохраняется особое – бытовое и идеологическое – значение их центральной части» [Лифанов 1997: 11].

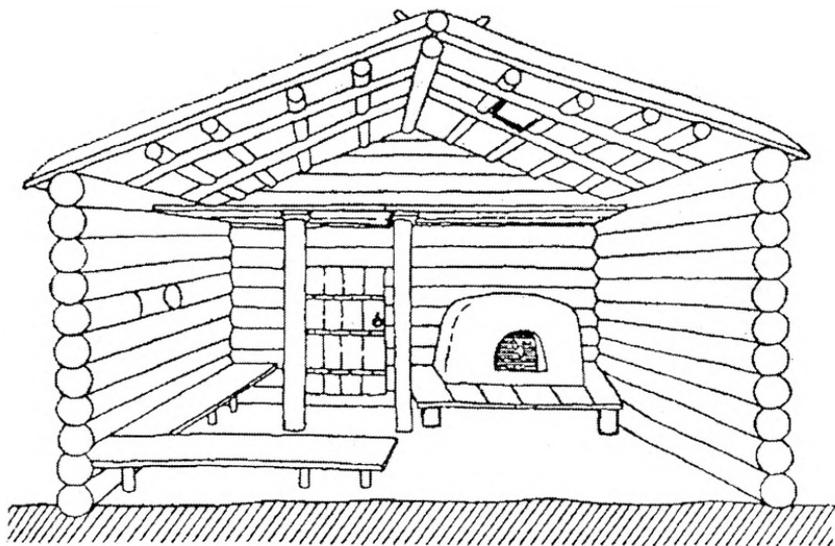
В эпоху бронзы жилищем служили глубокие просторные полуземлянки с двускатной крышей, соединенные переходами, а «традиционной остается только опорная конструкция, основанная на столбах с несущими балками. Жилища эпохи бронзы, не имея глубокого котлована, при небольшой ширине не могли уже перекрываться по-прежнему наподобие шалаша» [Никитин, Соловьев 1982: 120]. Переход от землянок к наземным жилищам в Урало-Поволжье А.Х. Халиков относит к раннеананьинскому периоду и выявляет преемственную связь между наземными жилищами и ритуальными постройками *кудо* и *куала* более позднего времени [Халиков 1978: 18].

Развернутая характеристика топографии и планировки поселений, типология жилых и хозяйственных построек, особенности организации внутреннего пространства, реконструкция жилища племен эпохи камня и бронзового века – все это рассмотрено в работе Б.С. Соловьева «Поселения и постройки эпохи раннего металла Марийского Поволжья»

[1998], а также в книге, написанной им в соавторстве с В.В. Никитиным «Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы)» [2002]. В последнем исследовании выделены однокамерные полуземлянки, полуподземные и наземные сооружения, отмечены исчезновение традиций строительства полуземлянок и замена их на наземные изолированные дома, обозначено параллельное существование местных лесных (соединенных переходами полуземлянок) и пришлых лесостепных (наземные изолированные дома со срубной и каркасно-столбовой конструкцией) традиций. Средневековые ансамбли поселений составляли городища и селища. «Вокруг городищ II тысячелетия н.э., как правило, располагались несколько селищ [...] и маленьких городищ, используемых для производственной деятельности, места погребений и молений... – отмечает Т.Б. Никитина. – Селища имели небольшую площадь, на них могли располагаться не более трех усадеб» [Никитина 1999: 168, 170]. В городищах обнаружены следы укреплений, которые представляли обмазанный глиной плетень, также столбы и колья. По археологическим материалам, на мысу Кубашевского городища был поставлен частокол из бревен, пазы между которыми были забиты глиной, а после того, как частокол сгорел, на его месте была сооружена однорядная стена из поперечных бревен, зажатых между столбами [Архипов 1962: 218–219]. Усадебная застройка с жилым домом и хозяйственными постройками обнаружена в результате археологических раскопок на Красном Селище XII–XIV вв. Жилища представляли наземные срубы, поставленные на землю без фундамента. Дверной проем, вырубленный в восточной стене, справа от печи, служил, очевидно, входом. Над ним и печью располагались полаты, которые занимали половину верхней части дома, а вдоль западной и северной стены – лавки. По диагонали к печи, в северном, очевидно, красном углу жилища, стоял стол. Дом отапливался по-черному. Наряду с наземными домами продолжали использоваться полуземлянки. Такие хозяйственные объекты, как амбары, погреба, находились во дворе усадьбы. Традиция сооружения амбаров выявлена на Васильсурском V городище,

близки к ним постройки Сауткинского, Красносельского I, Юльяльского селищ XIII–XV вв. По описаниям археологов, эта хозяйственная постройка была с подполом; в подпол с северной стороны вели ступеньки, верхнее помещение могло служить кладовой для хранения домашнего скарба, орудий труда и других вещей. Использование дощатого пола и стены заглубленной части зафиксировано на Сауткинском селище [Никитина 1999: 174]. Таким образом, многие конструктивные детали и система планировки, используемые веками, применялись в деревянном зодчестве.

Автор монографии уделил внимание ансамблевой организации разных по функциональному назначению построек и сооружений, общественных и родовых культовых мест. В качестве источников использованы ранние публикации отечественных и зарубежных авторов о марийцах, в них зафиксирован недоступный ныне в полевых условиях для современных исследователей материал [Сепеев, Молотова 1984: 124–144]. Он отличается разной степенью достовер-

Жилище. Реконструкция Т.Б. Никитиной, чертеж Б.С. Соловьева
(Никитина 1999: 173)

ности и полноты, хронологические рамки его определены началом XVII века (А. Олеарий, Н. Витзен). В работах Г.Ф. Миллера, И.Г. Георги и П.С. Палласа, развернувших под эгидой Российской Академии наук научные экспедиции в XVIII веке, также содержатся сведения об особенностях марийских поселений и жилищ, дана характеристика планировки двора, отмечено появление трехраздельного жилища. В XIX веке в немногочисленных этнографических публикациях упоминается летнее архаическое жилище «вежа» [Попов 1813]. С основанием в 1845 году Русского Географического общества количество публикаций о поселениях и жилищах марийцев увеличивается. Например, горномарийский двор середины XIX века описан М. Кроковским, сведения о поселениях, усадьбах, также графическое изображение плана марийской усадьбы впервые представлены А. Гакстгаузеном, традиционные архаические черты в деревянном зодчестве отмечены В. Шестаковым, описание «курной избы» дает Н. Троицкая. Характеристике постройки *кудо* у восточных марийцев, планировке их жилища, культовым обрядам посвящен очерк Д.П. Никольского [Никольский 1897]. Произвольное расположение жилищ и других построек в марийской усадьбе и сложная планировка поселений изучены А.Ф. Риттихом и И.Н. Смирновым [Риттих 1870; Смирнов 1889].

В очерках финского этнографа А.О. Хейкеля и русского исследователя Н. Харузина дана сравнительная характеристика жилищ и построек поволжских и прибалтийских финнов [Харузин 1895; Heikel 1888]. В ходе полевых экспедиций Хейкеля по Марийскому краю были зафиксированы и подробно описаны усадьба, двор, жилище, архаические постройки *кудо* и *овин-шиш*. По мнению Хейкеля, жилище финноязычных народов развивалось от древних форм, в виде простых шалашей и землянок, к различным типам срубных построек, а доминирующим критерием в определении типологии стал принцип устройства и расположения очага или печи в жилище. Проявившийся на рубеже XIX–XX веков интерес к изучению строительных традиций финно-угорских народов со стороны финской этнографии был обусловлен стремлением реконструировать ранние формы жилищ

древних финнов на основе выявления наиболее архаичных типов построек, бытующих у родственных народов Поволжья, Приуралья и Сибири.

В XX веке изучению деревянного зодчества марийцев посвятили свои работы этнографы Т.А. Крюкова, К.И. Козлова, Г.А. Сепеев, Л.Г. Козлов и другие. Этнограф Т.А. Крюкова опубликовала книгу о материальной культуре марийцев XIX века. В ней имеется специальный раздел о поселениях и жилищах; автор отметила своеобразие и национальные черты в планировке усадьбы, жилых и хозяйственных построек, огорода, гумна и культовых мест, также подчеркнула длительные связи с соседними народами – удмуртами, чувашами, татарами, башкирами, русскими, оказавшими друг на друга взаимное влияние [Крюкова 1956].

Сравнительная характеристика поселений Марийского края с учетом природно-географических, экономических и этнических факторов впервые была дана М.Н. Янтемиром. Вопросами общих и специфических особенностей поселений, планировочных форм у народов Среднего Поволжья занимались Н.И. Воробьев, А.Г. Симонов. Характерные традиционные черты поселений, их специфика рассматривалась в трудах Т.А. Крюковой, К.И. Козловой и др.

Г.А. Сепеев, например, в своих научных работах, посвященных деревянному зодчеству, проанализировал особенности типологии и планировки марийских поселений, отметил динамику сельского жилища XIX–XX веков, провел комплексное исследование поселений, жилищ и построек восточных мари [Сепеев 1975, 1982, 1989, 2000, 2001]. Рассматривая особенности типологии и планировки марийских поселений, он справедливо акцентирует внимание на недостаточности изучения предшествующими исследователями вопросов типологии, динамики планировочных форм, что является важным моментом в решении вопроса об истории заселения территории края и этнокультурных взаимоотношений народов поволжско-уральского региона [Сепеев 1982].

Я.В. Матюнина в диссертации сделала попытку проследить исторический путь развития марийского народного жилища усадебного типа и его функционально-планировоч-

ные особенности, связанные с бытом, хозяйственной деятельностью и традициями сельского населения на территории Марийской республики. Она, обосновывая тему своего исследования, справедливо заметила, что современная строительная практика не располагает примерами архитектурно-планировочных решений сельского жилища и не учитывает положительные традиции народного зодчества. Поэтому считает необходимым и полезным сделать ретроспективный анализ, чтобы выяснить историко-этнические предпосылки эволюции жилища усадебного типа, она предлагает выделить для строительства наиболее рациональные в эксплуатации жилища [Матюнина 1990].

Ценным источником послужили этнографические описания, схемы, чертежи, рисунки, фотоиллюстрации, зафиксированные марийским краеведом-этнографом Т.Е. Евсевьевым в 1907–1929 годах по заданию Финно-угорского общества [хранятся в Архиве финно-угорского общества в Хельсинки]. Эти архивные материалы о постройках марийцев изданы в 2002 году на финском и английском языках в Хельсинки [Jevsevjev 2002].

Другие архивные материалы – это обмеры, описания, чертежи, выполненные участниками комплексной антропологической экспедиции Московского государственного университета по Марийскому краю в 1929 году. Папка с этими документами поступила в Научно-рукописный фонд МарНИИ в 1947 году из Марийского республиканского краеведческого музея. Участниками этой экспедиции было несколько человек. Четкие автографы и монограммы оставили Н. Чебоксаров, Л. Мстиславский и Шиббаева, у двоих участников подписи краткие и нечеткие. Эти материалы содержат описания крестьянских построек, планы усадеб и дворов, интерьеры изб, планы и разрезы построек. Они были запечатлены в Звениговском, Юринском, Мари-Турекском и других кантонах. Материалы комплексной научной экспедиции Российской Академии художеств и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева в 1986 году по изучению традиционного народного

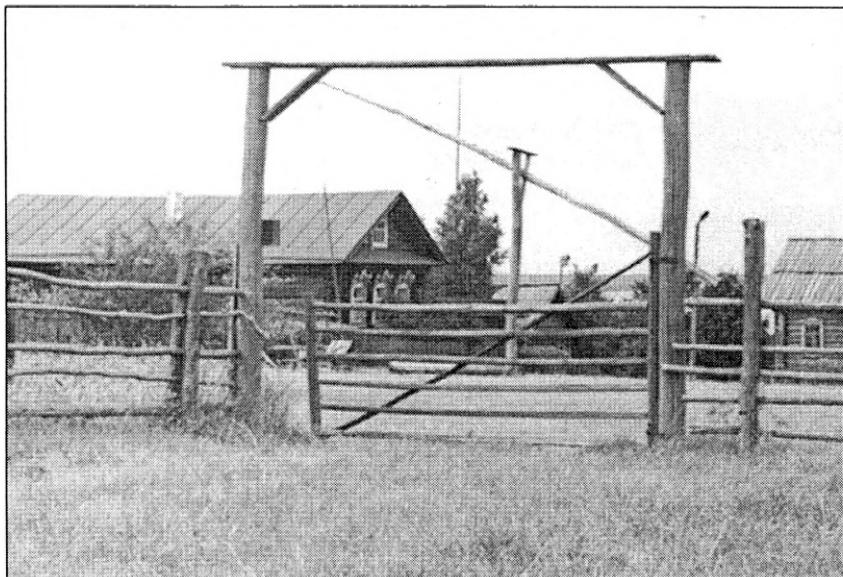
искусства и зодчества с участием автора, включая и другие полевые наблюдения, также обогатили данное исследование.

Цель автора – проанализировать и систематизировать материал по традиционной организации жизненного пространства (поселений, усадеб, жилых, хозяйственно-бытовых и культовых построек), выявить динамику развития традиционного зодчества, охарактеризовать поселения, жилища и культовые места с точки зрения религиозно-мифологических представлений и обрядов. Также важно рассмотреть принципы и приемы архитектурно-пространственной и ансамблевой организации жилой среды путем анализа многовекового народного опыта и определить его практическую ценность для современного архитектурного проектирования и застройки сельских населенных мест. Необходимость изучения этой темы актуальна, так как сегодня многие традиции народной архитектуры забыты, в современной строительной практике мало используются характерные, этнически оправданные конструкции и формы народного зодчества, постройки и ансамбли. Книга иллюстрирована схемами, чертежами и фотографиями. Работа представляет обобщающий труд по деревянному зодчеству марийцев и является предпосылкой для более глубокого исследования проблем народного искусства.

Выражаю сердечную благодарность за ценные замечания кандидату исторических наук Г.А. Сепееву, за помощь при работе с архивными материалами доктору философии Илдико Лехтинен и архитектору Ерки Хеламаа (Финляндия), а также всем, кто принимал участие в подготовке рукописи к изданию.

ГЛАВА I

К ПРОБЛЕМЕ АНСАМБЛЯ В ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА УСАДЕБ И ДВОРОВ, АРХИТЕКТУРА ВОРОТ И ОГРАЖДЕНИЙ

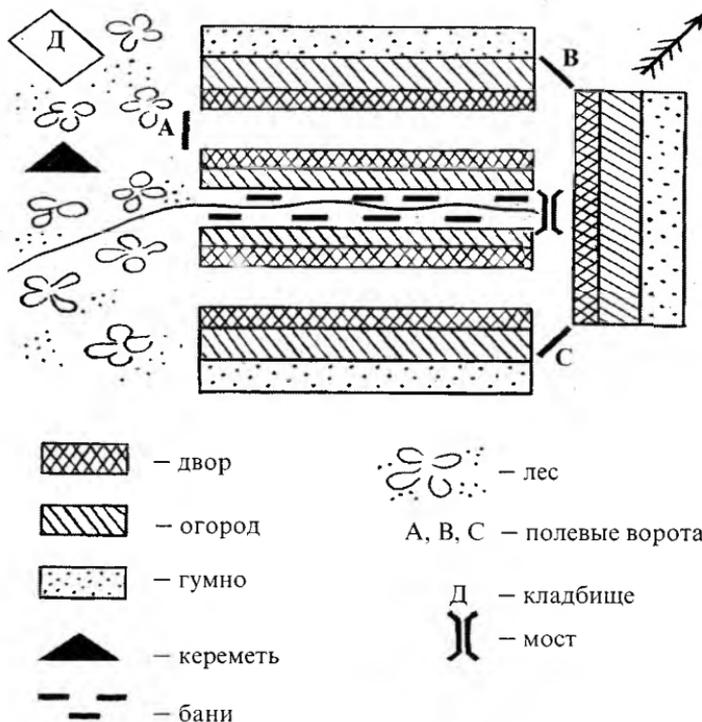

Архитектурно-композиционные особенности деревянного зодчества марийского народа формировались во взаимосвязи с окружающим природным ландшафтом (река – овраг – деревня – священная роща /*кўсотол* – кладбище), так и с непосредственной организацией сельской усадьбы, включающей жилые и хозяйственно-бытовые постройки (дом /*пöрт* – двор /*кудывечел* – *кудо* – навес /*леваш* – клеть /*амбар, клат* – баня /*мончал* – огород /*пакча* – гумно /*агун, идым*). В такой естественной пространственной организации расселения неизменным атрибутом являлась граница – *чек, пысман*. Чаще всего эту функцию выполняли овраг с родником, река, ров, система ограждений у околицы, в усадьбах, в священных рощах, также ворота – *марла капка*.

Формируемая историческим опытом, природной средой, национальной психологией культурно особенная этническая самобытность закрепляется искусством ансамбля [Некрасова 1988: 19–20, 23]. На своеобразии ансамбля деревянного зодчества марийцев существенное влияние оказывали географическая среда, направление хозяйства этноса, его история и многие другие факторы; типы поселений и жилища во многом определялись характером материальной культуры, а также духовной сферы [Козлова 1964: 50]. Духовные и функциональные связи в деревянном зодчестве действуют в пределах архитектуры, интерьера и отдельного предмета и осмысливаются в системе мировоззрения, где ансамблевое единство является своеобразным фактом художественного сознания [Климов 1999: 67–68].

Поселения марийцев возникали стихийно, но рациональный смысл и интуитивное чувство соразмерности помогали органично включать постройки в природный ландшафт и существующую застройку. В единстве пространственной и

композиционной организации построек также вырабатывались и проявлялись присущие этносу характерные черты архитектурных форм, строительных конструкций и сооружений. Архаические особенности в ансамбле деревянного зодчества выявляются на материале гражданских, хозяйственных и культовых сооружений. Ввиду плохой сохранности природного материала – дерева, из которого возводились эти объекты, они являются в большей степени реконструируемыми. С целью дальнейшего теоретического изучения и практического воссоздания их консервация является насущной и необходимой задачей.

План д.Княгоры Мамадышского уезда 80-х годов XIX века
(Сепеев 1975:117)

Расселению марийцев характерен приречно-овражный тип. Исследователи Т.А. Крюкова и Г.А. Сепеев отмечают, что для народов, проживающих в лесной полосе, речной или приречный тип заселения является одним из древних, естественных и характерных [Крюкова 1956: 105–106; Сепеев 1982:161–162].

Древние городища и селища марийцев располагались вдоль многочисленных рек и их притоков, а по мере роста населения осваивались водоразделы, лесные поляны и удобные для жилья и ведения хозяйства уголья, также болотистые, песчаные земли. Марийцы жили отдельными дворами-усадебками (*илем*, *сурт*), которые располагались на расстоянии звука бычьего рога; главы семейств по утрам подавали сигналы звуками рогов, приветствуя таким образом друг друга [Сепеев 1982: 161–162, 166]. С ростом численности населения отдельные дворы-усадебки постепенно группировались и объединялись вокруг одной или нескольких близко находящихся усадеб. Из разрозненно расположенных одиночных *илемов* постепенно образовывались околотки – группы из 2–3 и более дворов родственников, которые могли пополняться за счет новых поколений и пришлого населения, объединенных в поселения типа деревни. Параллельно с этим наблюдался и обратный процесс. Перенаселенность околотка, отдаленность и нехватка удобных земельных угодий вынуждали отдельные семьи осваивать новые места либо поблизости, либо на определенном расстоянии от прежнего поселения, основывая, таким образом, новые починки и выселки. В XVI–XVII веках у марийцев происходил процесс формирования поселений из отдельных *илемов* или отдельных околотков. В то время большая часть населения проживала отдельными дворами или группами дворов из минимального количества, а обозначением поселений были термины, заимствованные из языков соседних народов: «сола» и «починга» – от слов русского языка «село» и «починок», «ял» – чувашского, «аул» – татарского [Сепеев 1982: 168–169]. Традиция рассеянно-гнездовой планировки в XVIII – начале XIX веков объяснялась обычаем близких родственников селиться рядом. В конце XVIII века поселения были

небольшими по размерам, в то время в Марийском крае их насчитывалось 1012, а условное объединение отдельных дворов, околотков, починков и деревень в одно поселение также определялось удобством обложения и сбора повинностей [Иванов 1995: 32].

Размещение поселений почти всегда по оврагам или на холмистых местах придавало характер свободно организованных в пространстве и во взаимосвязи с природным ландшафтом населенных пунктов. Т.А. Крюкова отмечала, что рост числа марийских деревень происходил путем образования разбросанных по разным направлениям большого количества околотков – *лонго*, которые придавали деревне характер беспорядочности; сами околотки обычно не выделялись внушительными размерами, постройки в них зачастую располагались кольцеобразно, замкнутым кругом или были отделены полем. Далее исследователь делает вывод, позволяющий отметить, с одной стороны, сохранявшиеся черты родовых поселений, когда расселялись «своим родом особо», также процесс дробления патриархальной семейной общины в связи с переходом на новые участки, с увеличением рода происходило расселение его по территории [Крюкова 1956: 107]. В том случае, если семья увеличивалась и во дворе не оставалось места для постройки отдельного дома для новой семьи, то поселялись на новом месте. Это могло послужить основанием для образования нового околотка.

В конце XIX века околотки считались частью определенного селения и сохраняли свои названия. Например, в Козьмодемьянском уезде деревня Луговая Кушерга состояла из околотков Ершов, Сорокаев, Котенов, Шатчиков и Уметеев; село Чермышево (Еласово, ныне – Еласы) – из околотков Юнгот, Новый, Пиндигов, Писерял и Камаканур; деревня Шурмары – из околотков Ишпаторкин и Яматайкин. В Царевококшайском уезде деревня Вонжеполь объединяла околотки Усола, Ёлыл-сола и Кўшыл-сола; деревня Большой Карамас – околотки Пезмучаш, Нурмучаш, Полат-энгер и Шигар-энгер, деревня Малая Ошурга – околотки Поскай-сола, Митри-сола, Тойкино и Ямурзино [Список населенных мест Казанской губернии 1898: 10, 19]. Околотки, возможно,

являлись одним из этапов в развитии поселений, промежуточной стадией на пути превращения однодворных поселений-усадеб в деревни и села.

Поселения подобного типа в строительной практике были распространены еще в XIX веке. У мордвы, например, переход от дисперсного расселения к многодворовым поселениям деревенского типа наблюдается с периода ее вхождения в состав Русского государства. Поселения финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжской историко-этнографической области состояли из деревень, выселков, околотков, починков, сел, селец и объединялись общими терминами *веле, бие* (морд.), *аул, айил* (башк.), *йал, ял, сола* (мар.), *авыл, йил* (тат.), *ель, ял* (чув.). Общие корневые морфемы *ал, ел, ил, ял* первоначально обозначали «род», «племя», «родственный союз» основателей поселения, которые были связаны общностью происхождения [Мордва 1995: 155]. У удмуртов, например, планировка деревень отличалась специфической особенностью: чтобы почва лучше просыхала, селение располагалось на южных склонах возвышенностей, и вплоть до XIX века преобладала свободная рассеянно-гнездовая планировка [Шумилов 1975: 216].

В названиях многих марийских поселений отразился прибрежно-речной тип заселения, содержащий гидронимы (Юльъял – деревня на Волге, Какшансола – деревня на Кокшаге, Эңерсола – деревня на речке, Элнеттёр – при Илети, Эңервал – над рекой, Лажмучаш – исток Лажа, Шойдўн – устье Шойки, Йўштыпамаш – студёный ключ, Шемпамаш – чёрный ключ, Важнангыр – развилка речка), названия болот, лугов, оврагов, роц, лесов, полей и имена конкретных первопоселенцев (Купсола – деревня на болоте, Олыктёр – на краю луга, Отымбал – над роццей, Чодыраял – лесная деревня, Ошшўргö – светлый лес, Пўкшерме – орешник, Нуръял – деревня в поле, Поланур – поле в калиннике, Йывансола, Пекшиково, Митиксола, Талянсола, Эшпайродо) [Сепеев 1982: 165–166; Сепеев 2001: 43–51].

Большую часть марийских поселений в XIX веке занимали выселки и починки. Это объяснялось нехваткой освоенных пахотных и других угодий в связи с выделением и образо-

ванием новых семей и дворов. Границей, отделяющей одну деревню от другой, чаще всего была лишь речка, овраг, участок леса или небольшое поле. Эти вновь образованные выселки и починки обычно носили уже известное общее название с основным поселением с добавлением новых определений: *у* (новый), *изи* (малый), *кўшыл* (верхний), *ўлып* (нижний) и т.п., не исключено, что новый выселок назывался и по имени первого переселенца. В силу индивидуальных вкусов и потребностей домохозяина размещались постройки внутри отдельных дворов без определенного плана. Поселения небольшого размера формировались стихийно, естественный природный ландшафт во многом являлся одним из основных факторов в организации пространственной среды.

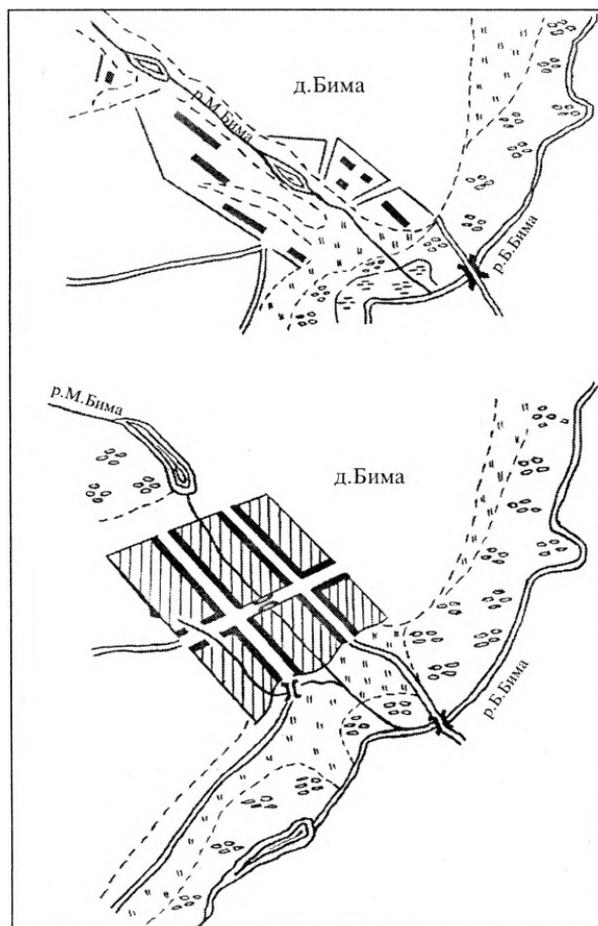
Наиболее распространенным типом поселения марийцев являются деревни. Они зафиксированы в документах с XVII века. Села появились около середины XVIII века в связи с массовой христианизацией нерусского населения Поволжья. Они являлись центрами церковных приходов, опорными пунктами христианизации населения, осуществляли административные и хозяйственно-экономические функции. А.Г. Иванов отмечает, что под термином «деревня», например, у горных марийцев в XVIII веке имеется в виду «...поземельная община, как простая (в составе одной деревни), так и сложная (состоящая из деревни с выселками)... Вероятно, в XVIII веке одной из устойчивых форм их поселений являлись деревни. Выселки образовывались в результате выхода из деревень «отдельных» семей на новые места, принадлежащие общине» [Иванов 1982: 145,151]. Цитируемый ниже фрагмент документа о хозяйстве зажиточного горномарийского крестьянина, составленного в качестве завещания от 24 июля 1702 года, представляет интерес во многих отношениях (дает перечисление дворовых хозяйственно-бытовых построек, жилища, применение разных пород деревьев при их сооружении, использование в хозяйстве бортей и колодных ульев): «[...] приказал он [...] двор свой и с хоромным строением. А хором: избы две, одна ветхая липовая, другая сосновая новая, по сторон их анбар новой с чердаком, да малой анбарец, под ним погреб, две клетки [...], все елевые[...].

Да на дворе девять ульев со пчелами, в том числе семь дубовых, один елевой да кленовой; три дуба стоячих, а в них пчелы» [Иванов 1982: 156–157].

В целом марийские поселения конца XVIII – начала XIX веков представляли собой беспорядочно расположенные группы усадеб с кучевой или гнездовой планировкой. Кучевая планировка являлась одной из древних и традиционных форм поселения народов Среднего Поволжья, для нее были характерны кривые проезды и переулки, заканчивающиеся тупиками. Особенностью марийских деревень было свободное и просторное расположение дворов, строения находились на большом расстоянии. Такое преимущество было аргументированным в противопожарном отношении, чем выгодно отличалось от плотно застроенных дворов и тесных улиц в русских и татарских селениях региона. Марийские поселения в XVIII–XIX веках сочетали кучевую, рядовую и уличную планировку. По исследованиям А.Г. Симонова, кучевая планировка в XVIII – начале XIX веков составляла около двух третей марийских селений [Симонов 1976: 135]. С конца XVIII – начала XIX века общение марийцев с русскими и их совместное проживание в смешанных селениях способствовало постепенному переходу к рядовым и уличным формам планировки. И вплоть до конца XIX века наблюдалось смешение кучевой, рядовой или уличной форм планировки.

На беспорядочный характер расположения усадеб и дворов в марийских поселениях обратили внимание многие путешественники. Так, в своем агрономическом описании Казанской и Нижегородской губерний Ф. Целлинский отмечал: «Коренная черемисская деревни, как известно, строятся без особого плана: дворы в них разбросаны по всем направлениям, соединены между собою множеством дорог, обставлены хозяйственными строениями и засажены множеством деревьев, придающих всему селению картинный и весьма приятный вид. По этой особенности и устройстве черемисские деревни живо напоминают деревни Эстляндской губернии [...]. Нельзя не заметить, что деревня, расширенная и рассеченная дорогами по разным направлениям, и при самых сильных пожарах не может подвергнуться совер-

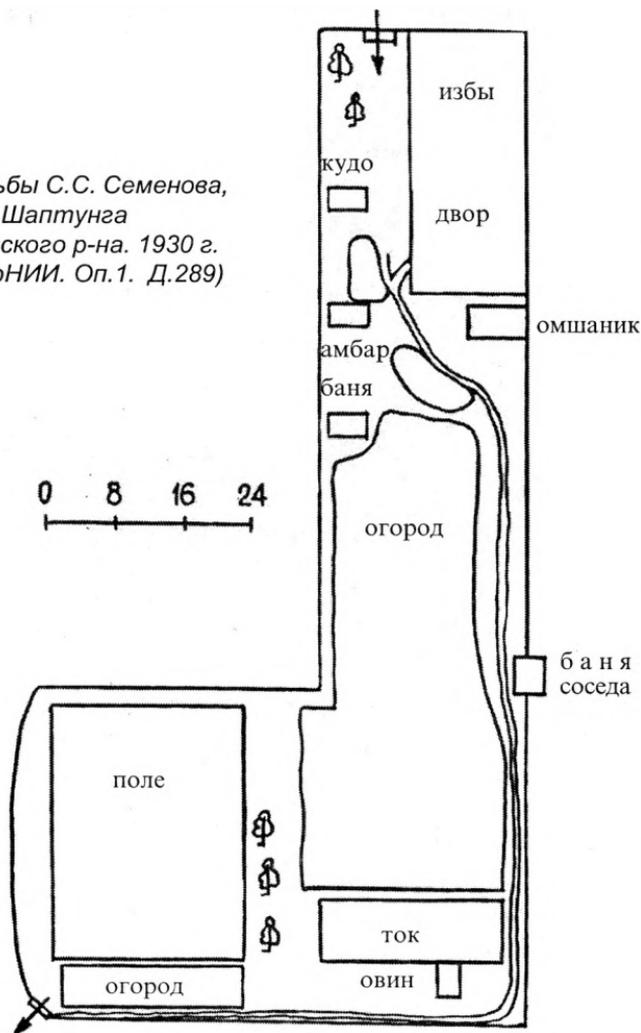
шенному истреблению [...]. Кроме того, обыкновенное устройство черемисских деревень [...] дает возможность более расширяться строениями, что также способствует здоровью людей и меньшей опасности при пожарах. Деревья же [...] сохраняются крестьянами с каким-то религиозным чувством [...]. Ибо они очищают воздух, дают прохладную тень в знойные дни и служат в известной степени громоотводами» [История Марийского края в документах и материалах 1992: 516–517].

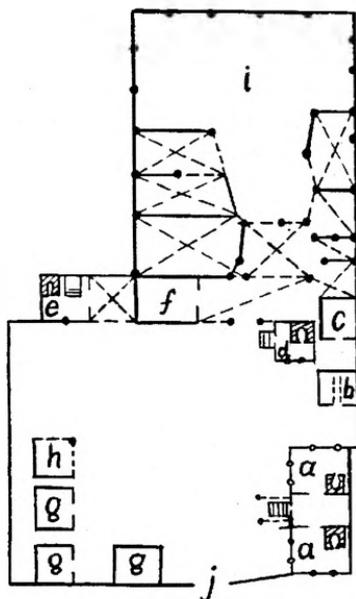

Планы д. Бима
Елабужского уезда
1818 и 1874 годов
(Селеев 1975: 115)

Таким образом, поселения марийцев эволюционировали от однодворных поселений-усадеб (*илем, сурт*) с беспорядочной планировкой к малодворным поселениям-околоткам (*лонго*) с кучевой или гнездовой планировкой, к селам и деревням (*ял, аул, сола*) с рядовой и уличной планировкой; для крестьянского, земледельческого населения характерными поселениями были деревни, села, починки и выселки.

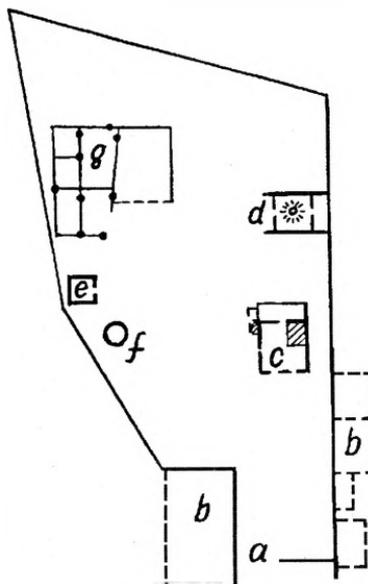
План усадьбы С.С. Семенова,
д. Шаптунга
Медведевского р-на. 1930 г.
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289)

План двора д. Чураево
Бирского уезда 80-х годов XIX в.
(по А. Хейкелю)

- a* – жилая изба
- b* – кудо
- c* – старое кудо
- d* – кухня для скота
- e* – баня
- f* – хлев
- h* – сарай
- g* – клетки и амбары
- j* – ворота
- i* – внутренний (задний) двор со стойлами для скота

Старинная планировка
марийского двора
(по А. Хейкелю, Н. Харузину)

- a* – ворота
- b* – постройки соседнего двора
- c* – жилая изба
- d* – кудо
- e* – клеть
- f* – погреб
- g* – скотный двор и сарай для экипажей

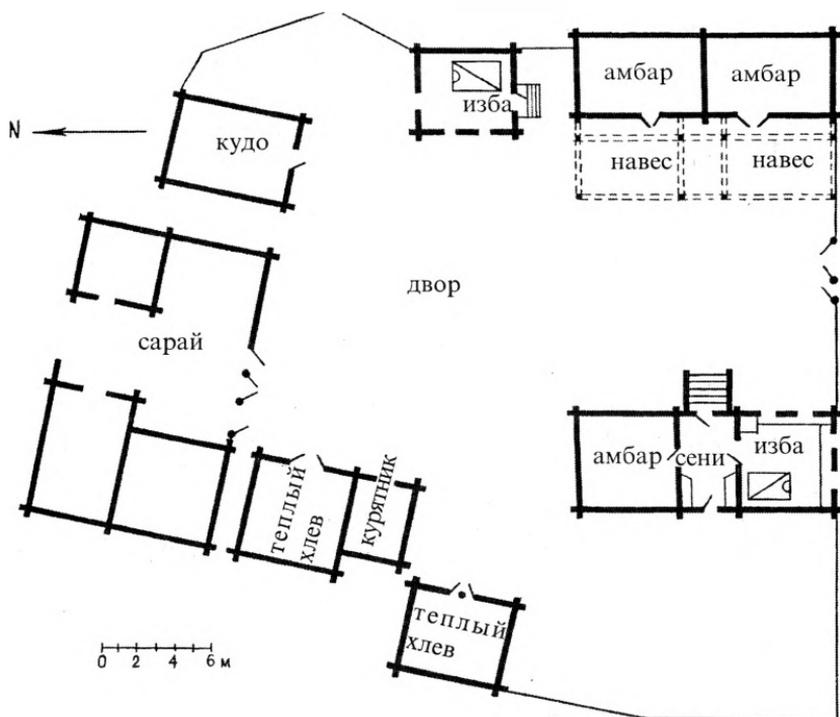
Усадьба марийцев *суртолмо* состояла из двух частей: первая – двор с соответствующими строениями *оралте*, вторая – задворная часть *тошкем*, *идымвече* (гуменная ограда) или *идымпакча* (гумно-огород). Архитектурный облик марийской усадьбы определяли разные по своему назначению жилые, хозяйственные объекты и уголья. Двор занимал почти половину всей ее территории, количество построек было различным. Сюда входила изба с пристроенными к ней сенями, клеть, амбар для хлеба, летняя кухня, хлев, сеновал, сарай или навес на столбах, выходившие на улицу и в огород ворота. Двор был покрыт дерновой травой и содержался в чистоте [Крюкова 1956: 109]. Своеобразная целостность сельского ландшафта не нарушалась при размещении на усадьбе новых построек и сооружений. Усадьба в плане чаще всего имела форму прямоугольника, в передней ее части находились жилые постройки, амбар и ворота, а с боковых сторон – хозяйственные постройки.

Место для усадьбы выбиралось с учетом многих обстоятельств. В устном народном творчестве марийцев сохранились связанные со строительной обрядностью приметы: *У верыште пўкшерме тугалтеш гын – сурт ышташ вер келыше, лывырга гын йўрышѳ огыл* – Если на новом месте орешник ломается, то место пригодно для постройки жилья, если гнется – не годится [Китиков 1989: 255, 257]. А у восточных марийцев, например, это место тщательно изучалось в течение года: зимой – как много выпало снега, весной – как долго он таял. Если скапливались талые воды, то оно считалось непригодным. Но если же это место было определено пригодным для строительства, то обычно на ночь оставляли ведро с водой. И при обнаружении в воде перьев какой-нибудь птицы это место считалось хорошим (*сай вер, кайык пун гай пушкыдо*), а если находили щепку, тогда – непригодным. Зафиксированы и другие приметы. Если утром под оставленным на ночь лубком (*кур*) находили муравьев, место также считалось пригодным для строительства (муравьи в этом случае символизировали качество трудолюбия). А для устройства колодца при отсутствии естественного водного источника пользовались традиционным способом

определения грунтовых вод: на ночь в земле оставляли опрокинутый котел, если утром на дне его обнаруживали капельки воды, то считалось, что грунтовые воды находятся неглубоко [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 58. Л. 3–4]. Таким образом, естественные природные условия окружающей среды учитывались и в выборе места, и в строительной практике. Прежде чем ставить дом, марийцы выбирали место и «по утренним и вечерним зорям» ходили туда. Если на новом месте по утрам и вечерам воздух теплый, оно считалось пригодным для строительства: «и почитают то место счастливо и к сожитию добро и скотине плод счастливой, а где холодный воздух, тут дворов не строят»; также известно то, что «выкапывают яму и извлеченную землю насыпают в нее, если земли в яме будет с верхом, значит можно строиться, а если яма не наполнится, то на данном месте строить нельзя» [Сепеев 1965: 91.]

Старинный тип планировки марийской усадьбы зафиксирован экспедицией Московского государственного университета в хозяйстве братьев Османовых (д. Мари-Китня Мари-Турекского района). Он заключается в размещении в одном дворе с одними воротами нескольких изб. В такой планировочной традиции заметны сохранившиеся пережитки больших неразделенных семей. Все постройки свободно располагались на открытой пространной территории двора. Здесь одновременно обоими хозяевами были воздвигнуты 2 избы (*пёрт*) с примыкающими к ним сенями (*пёрт ончыл*) и клетью (*клат*), двухэтажный амбар с примыкающим навесом для экипажей (*леваш*), летняя кухня (*кудо*), сарай (*леваш*) с сеновалом, старый хлев (*тошто вўта*) с примыкающим к нему курятником (*чыве вўта*), новый хлев (*шокшо вўта*), баня (*монча*), колодец (*таве*), овин (*овын*) с молотильным сараем примерно в 1870-е годы [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Тетр. 3. Л. 1].

В традиционный ансамбль построек марийской усадьбы органично входила оригинальная постройка *кудо*. Ее назначение видоизменялось в разные исторические периоды. Изначально она использовалась как сакральное помещение и служила местом отправления культовых обрядов. Эта традиционная постройка, по описанию И.Н. Смирнова, состояла из двух отделений (большое и маленькое) и предназ-

План двора А.М.Османова, д. Мари-Китня Мари-Турекского р-на. 1929 г.
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289. Л.10)

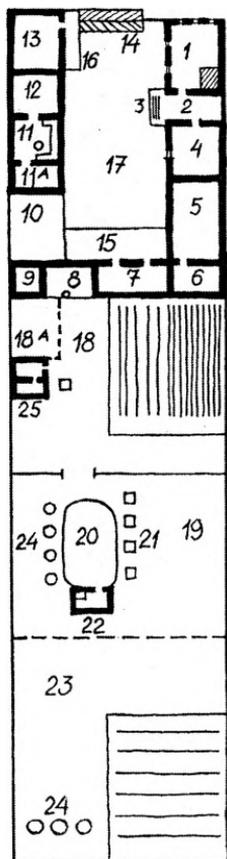
началась для домашнего духа *кудо-водыж*, по его мнению, «связь кудо с домовым божеством заставляет [...] предполагать, что оно было первоначально домом, жилищем семьи. На то же указывает и язык. Для обозначения [...] дома, черемисин употребляет слова *кудышто* (в *кудо*, в доме), *кудышко* (в *кудо*, в дом). [...] для зимнего жилья *кудо* нуждалось в некоторых приспособлениях, главным образом, в потолке» [Смирнов 1889: 71–72]. Позднее его функции определялись хозяйственно-бытовым назначением в качестве летнего жилища и кухни.

В формировании архитектурного облика марийских усадеб определяющее значение имеют одно- и двухэтажные амбары с двускатной тесовой крышей. Галерея второго этажа соединяется лестницей. В конструкции марийских амбаров

обнаруживается сходство с традиционными постройками удмуртов, эстонцев и финнов [Пинт 1931: 97; Климов 1999: 89].

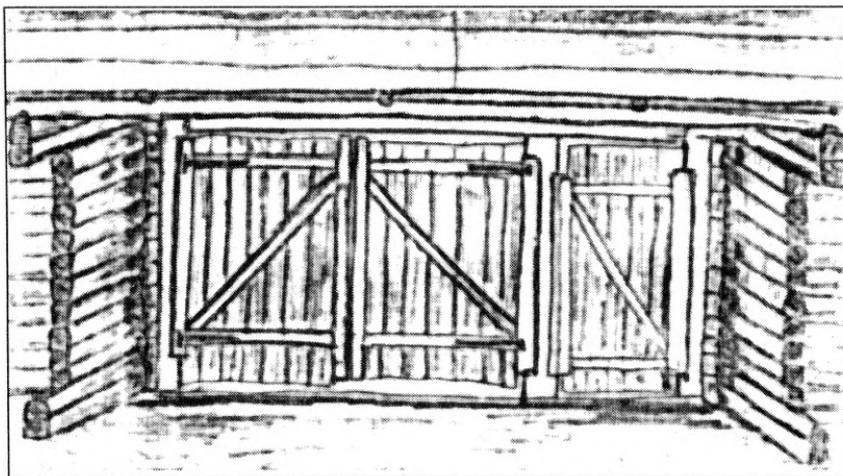
Животноводческие постройки (хлева для содержания скота и птицы, сарай-сеновал) располагаются в задней части двора. Сарай иногда строится в виде навеса, и по обе стороны размещаются хлева. В закрытые сараи вход осуществляется через двери или небольшие ворота. Например, в марийском фольклорном материале сохранились приметы, связанные со строительством хлева: *Вўта чогышаш верыште эр-кас шокшо юж гын, тушак шындаш лиеш: вольык тўла* – Если на месте, выбранном для постройки хлева, по утрам и вечерам воздух теплый – можно строить: скот будет плодовитым [Китиков 1989: 255].

1. пöрт (изба)
2. пöртончыл (сени)
3. пöртончыл тошкалтыш (крыльцо)
4. клат (клеть, амбар)
- 5, 10. леваш (навес)
6. имне вўта (конюшня)
7. ушкал вўта (коровник)
8. сарай
9. шорык вўта (овчарня)
11. кудо (культурное сооружение)
- 11а. изи кудо
- 12, 13. клат (клеть, амбар)
14. капка (ворота)
- 15, 16. пелмогыран леваш (односторонний навес)
17. кудывече (двор)
18. сад
- 18а. пакча (огород)
- 19, 20. идым пече (гумно)
21. каван шаге (подставка под стог)
22. агун (овин)
23. посна пече (изгородь)
24. шудо каван (стога)
25. монча (баня)

План усадьбы (Hämäläinen 1930: 159)

Под навесами, сараями или в подклети устраиваются погреба, служащие для хранения овощей и быстро портящихся продуктов. Нередко погреба размещают в качестве отдельной постройки во дворах. В д. Испаринск (*Акпарс Шўргё*) Моркинского района зафиксирован выложенный из кирпича погреб, который имеет круглую форму. В отдельных случаях погреба ставятся на территории огорода, близко примыкающей к жилищу.

Срубные ворота. Рис. Л. Мстиславского. 1929 г.
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289. Темр.9. Л.4)

За двором обычно находится огород (*пакча*) и гумно (*идым*). Доступ в огород, расположенный в задней части усадьбы, осуществляется через калитку в заборе или ворота в задней стене сарая, вход и выход со двора на улицу и в огород – через ворота. В первой половине XX века еще использовались *марла капка* (одностворчатые, с одним полотном, без крыши ворота) и *аньык капка* (заворы).

В пространственной организации построек марийской усадьбы И.Н. Смирнов особо выделил традиционное сооружение для сушки снопов – *марла агун* (*авун*). Эта небольшая коническая постройка располагалась на огороде или гумне, сооружалась из тонких жердей и возвышалась над глубокой

ямой, на дне ее разводился огонь. С наружной стороны овин обкладывался снопами. Они просушивались поднимающимся из ямы дымом. Исследователь также отметил и то, что эта постройка имела и другое более важное назначение, служила жилищем человека [Смирнов 1889: 70]. Оригинальная конусообразная конструкция широко используется в традиционной культуре марийцев. Она является формообразующей основой в хозяйственных постройках, используется в ансамбле народного костюма (например, в берестяном головном уборе марийских жрецов – *картов*, в ансамбле женского головного убора *шымакш*). Это, очевидно, связано с мировоззрением местного населения, с его религиозно-мифологическими представлениями, способностью конструировать подобные выразительные формы и придавать им художественно-образное решение. Традиционный марийский овин (*марла авун*) в течение второй половины XIX века изменился на срубный и назывался как русский овин – *рушла авун*. На задворках усадьбы также размещался хмельник *умлавече* [Сепеев 2001: 52]. В пасеке (*мўкшотар*) обычно располагались ульи с пчелами (*мўкшомарта*).

Формы связи жилища с дворовыми постройками разные. Марийский двор сохранил разбросанный тип планировки, имеет покоеобразную и глаголеобразную планировки, встречаются двухрядная и однорядная планировки. Появление в северных районах двухрядной и однорядной форм планировки объясняется влиянием русского населения. Сохранение бессвязного изолированного расположения построек является традиционным для марийского двора.

Композиционным центром многих марийских усадеб являются отдельно стоящие деревья или группа деревьев культового назначения. Они выделяются размерами и масштабом. Среди деревьев (липы, березы, рябины, черемухи) в роще проходили семейные моления и жертвоприношения. В ансамбль сельских поселений также органично вписываются и языческие кладбища, где проводились поминальные трапезы в честь предков. В Оршанском (д. Керды), Параньгинском (д. Ильпанур) районах зафиксированы оригинальные

надмогильные памятники, остатки надмогильных кольев с привязанными на них отрезами холстов и вышитыми полотенцами, также различные типы ограждений и ворот.

Культовые объекты сакрального характера особо не выделяются в окружающем ландшафте, хотя в организации ансамбля сельской местности им принадлежит важная роль. Семейные рощи, деревенские *кўсото*, рощи для общественных мирских молений, *Агавайрем ото* и другие природные культовые памятники являются составной частью сельского пейзажа. Здесь и в настоящее время проходят обрядовые действия, связанные с языческими верованиями: марийцев.

Сакральные объекты марийской духовной культуры, священные рощи *ото*, *кўсото*, – это место поклонения силам природы и культу предков. В окрестностях каждой деревни имелось несколько рощ. Одни из них служили местом жертвоприношений верхним божествам, другие – частным или отдельным божествам в случае стихийных бедствий, неурожая, третьи были местом культовых действий во время религиозных или календарных праздников и обрядов. Самой низшей ступенью в этой иерархии священных рощ считалось место семейного жертвоприношения (*еш кумалтыш*), вслед за ним – роща селения (*ял ото* или *ял кумалтыш*), затем священная роща округа (*тиште*), далее – роща религиозно-территориального объединения (*мер ото*), и, наконец, роща общемарийского моления (*тўня кумалтыш ото*). Общее название всех этих святилищ – рощи высших духовных сил (*кўшыл тўле ото*) [Калиев 1996: 86].

Наряду со священными деревьями *онапу* в священных рощах объектами поклонения у марийцев являются ключи, родники, естественные природные образования (например, гора *Чумбулат* в Советском районе Кировской области). У горных марийцев культовые обряды отправляются в мольбищах *Цыркы-Царке*, *Омыклиды* (*Яктансола*), *Систывар*, также в окрестностях п. Васильсурск Нижегородской области [На земле горных мари 1995: 24–27].

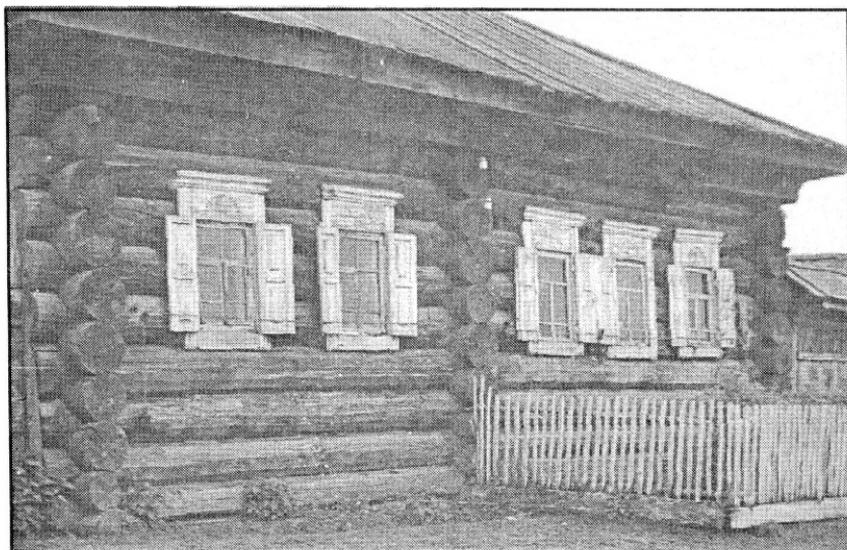

Современная марийская усадьба. Фото автора

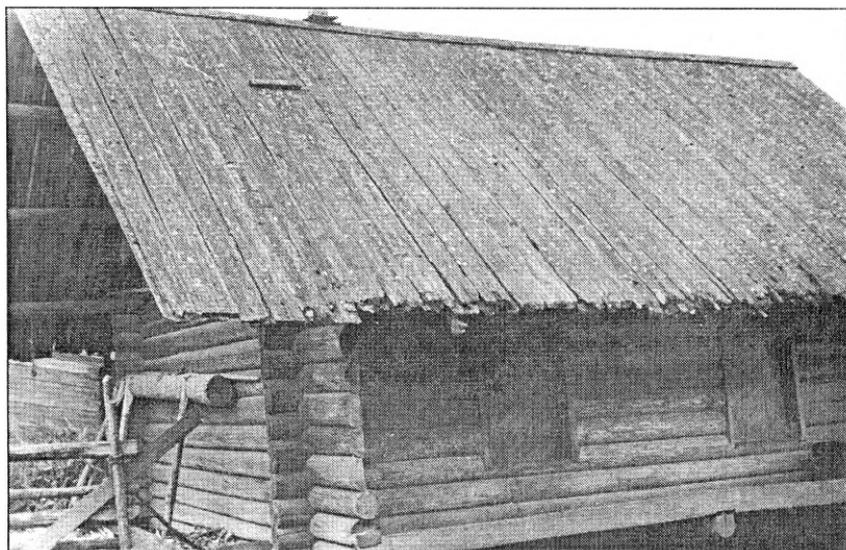
В создании архитектурного ансамбля поселений и отдельных усадеб важную функцию выполняли ворота и ограждения. Само пространство деревни воспринималось как особая территория, поэтому оно огораживалось и имело специальные ворота. В системе ограждений и ворот проявлялась богатая природная фантазия народных мастеров. Деревенская изгородь (*ял йыр пече*), полевые ворота (*пасу капка*) были тесно связаны с полевыми изгородями, необходимыми как при обычном, так и при вольном выпасе скота [Сепеев 1975: 118–119].

Ворота – неперенный атрибут в ансамбле священных рощ и кладбищ. Согласно религиозно-мифологическим представлениям, ворота, по мнению В.Е. Владыкина, «...воспринимались как символ деревенского пространственного мира: гостей встречали и провожали у этих ворот, свадебный ритуал начинался здесь же, покойника несли на руках до деревенских ворот» [Владыкин 1994: 219].

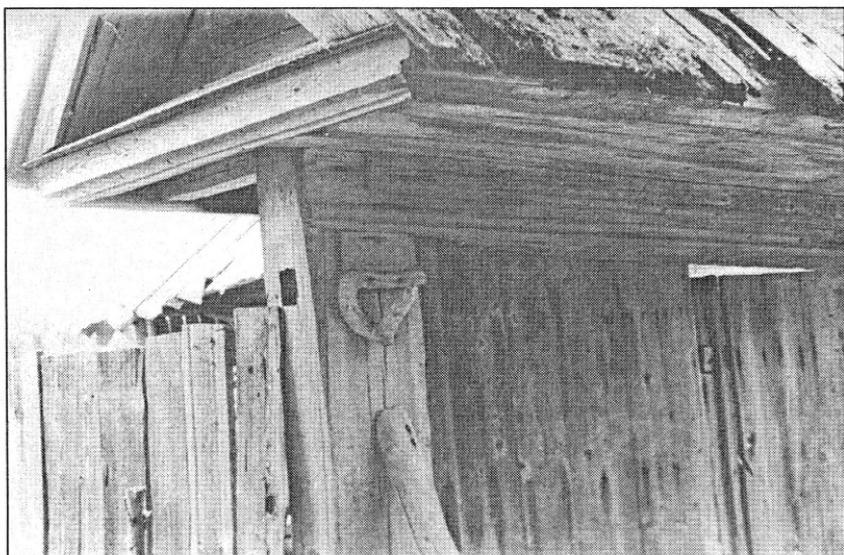
Парадной частью марийской усадьбы являются ворота (*капка*). Они строились в естественной связи с остальными постройками крестьянской усадьбы, их роль была особо значима

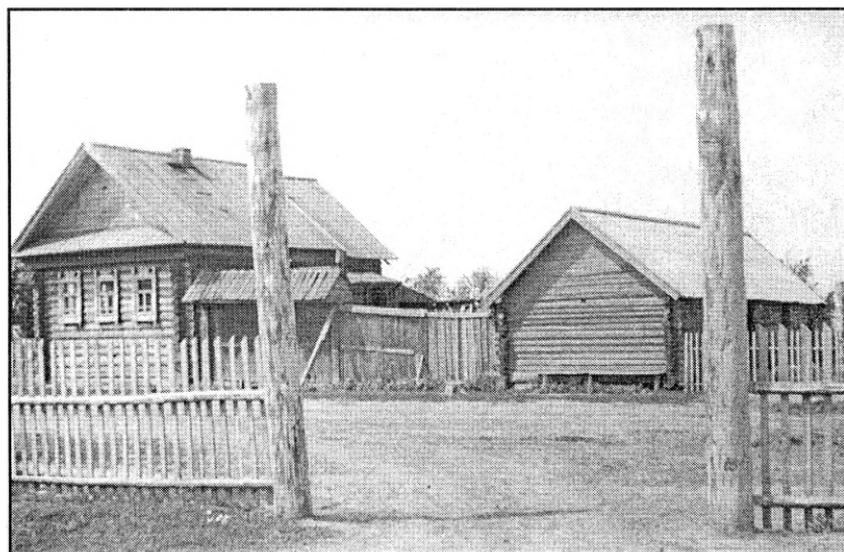
Дом (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1965). Фото Г. Селеева

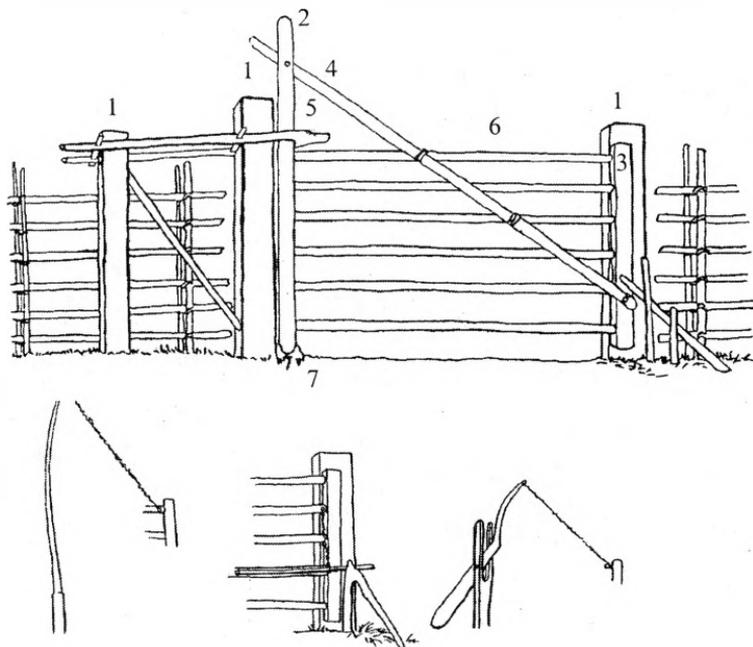
Клеть (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1956). Фото В. Заболотских

Фрагмент ворот с деревянным крюком для привязывания лошадей
(НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966. Д. 40. Л. 205). Фото П. Петрова

Полевые ворота (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966. Д. 42. Л. 5).
Фото Г. Селеева

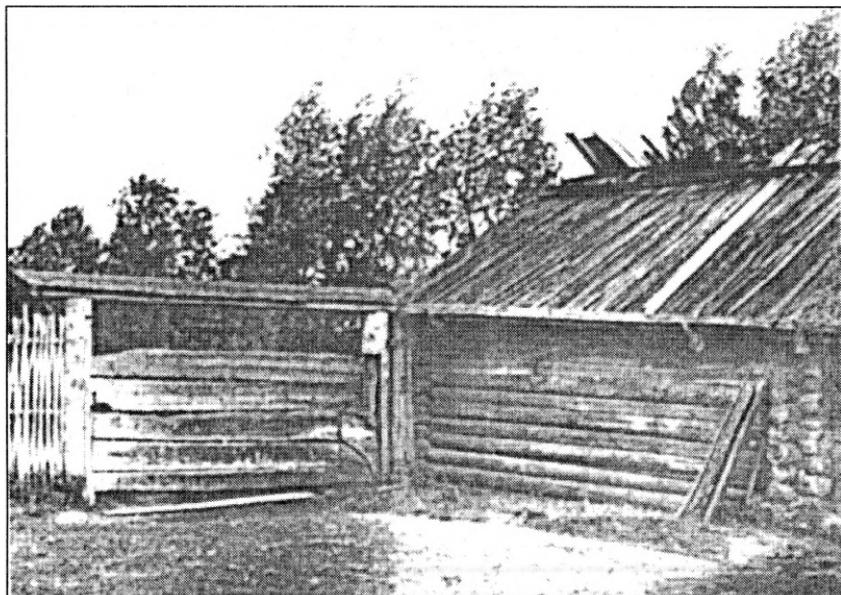

Конструкция и приспособления марийских ворот
(Hämäläinen 1930: 144)

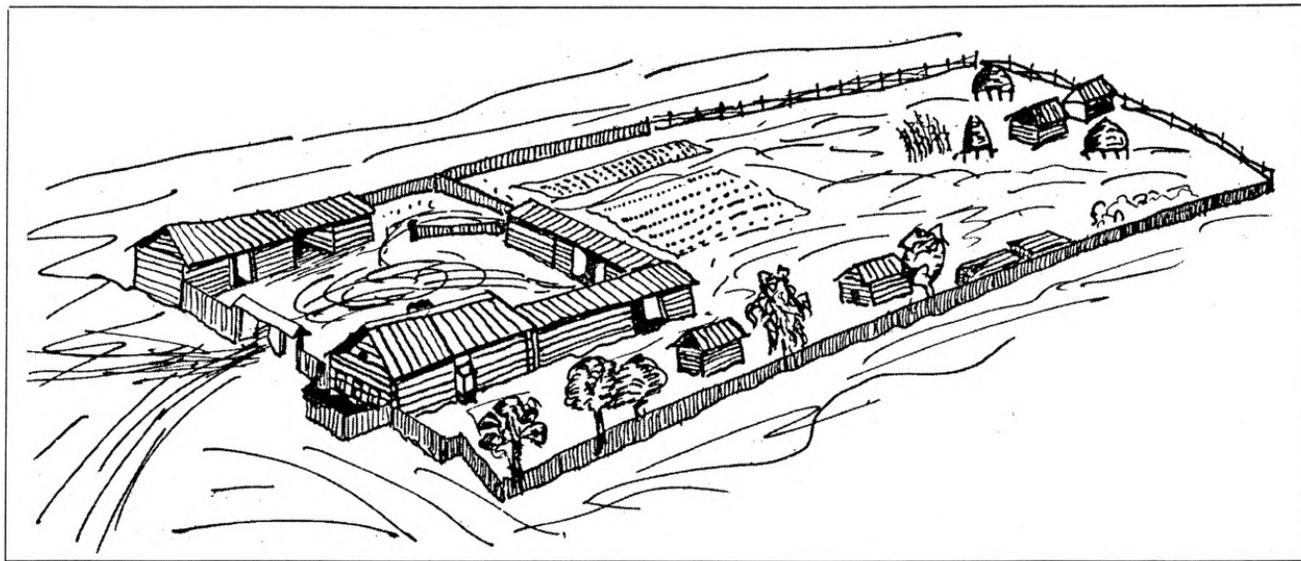
1. капка мейгге (столбы)
2. капка тапша (опорный стоек)
3. капка ората (каркас)
4. капка икак (поперечина)
5. капка вожын (развилка)
6. капка вара (перекладины)
7. капка тур (основание)

в формировании архитектурного облика. По ним определялось благосостояние хозяина. В.М. Мамаев в материалах по истории д. Мустаево Сернурского района оставил их описание: «Ворота строились целесообразно хозяйственно-бытовым нуждам, и в них, как в зеркале, отражалось материальное положение владельцев. В марийских деревнях они встречались следующих видов: а) марла капка – марийские ворота; б) шалдыра; в) 3–4-х столбовые, подобно русским воротам. В качестве строительного материала при сооружении тради-

ционных ворот *марла капка* использовалось дерево, не применялись никакие железные конструкции, детали и даже гвозди. Два сосновых столба погружались в глубокие ямы. На один из них в качестве створки ворот закреплялось полотно, обычно из дуба или вяза с прочной корневой основой. Во избежание сильного скрипа подвижные части конструкции смазывались дегтем. Тем не менее все равно издавался скрип, поэтому створки ворот преимущественно открывали только для проезда лошадей. Рядом с этими большими створками ворот устраивались калитки. Между домом и амбаром строились сплошные ограждения из досок – *песте*. В некоторых усадьбах сооружали ворота из двух жердей-столбов с поперечными жердевыми конструкциями *шалдыра*, прикрепленными веревкой или корой вяза. Использовались и простые жердевые ворота заворы – *аньык»* [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 116. Л. 26–28]. Изображение *марла капка* представлено на рисунке, где также показаны приспособления для запираания ворот. Оригинальная по форме конструкция *марла капка* строгими горизонтальными

Марла капка – марийские ворота
(из фондов Национального музея им.Т.Е. Евсевьева РМЭ)

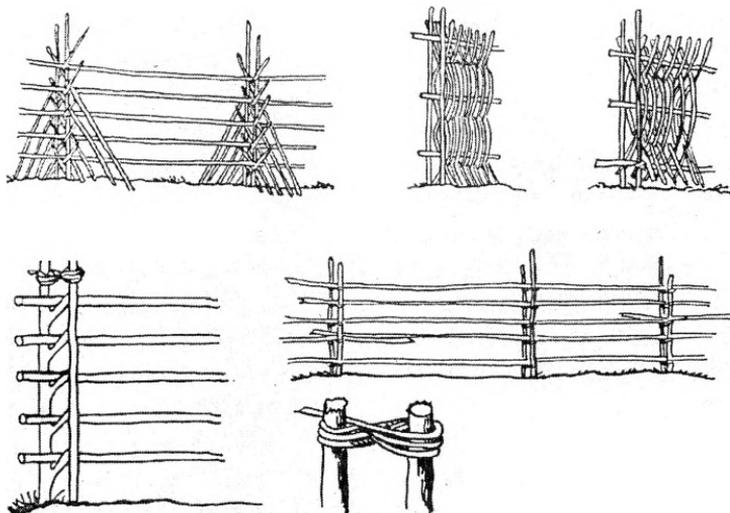
Усадьба Крюкова, д.Шелангер Звениговского р-на. Рис. Л.Мстиславского
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289. Л.1)

и вертикальными линиями монументально выделялась среди построек сельской местности, гармонично вписывалась в окружающий пейзаж. Это подтверждало умение народных мастеров создавать уникальные образцы строительного искусства.

Конструкцию других видов стоечно-балочных ворот представляют вертикально поставленные массивные столбы, скрепленные сверху бревном, над которым сооружалась защищающая от осадков широкая двускатная крыша. Столбы и перекладины таких ворот оформлялись резьбой, поэтому выделялись в ансамбле крестьянской усадьбы. Они отличались конструктивной четкостью и выразительным силуэтом. Установка на улицу русских ворот (*рушла капка*) явилась новшеством в деревянном зодчестве марийцев.

Большим разнообразием отличаются конструкции срубных ворот. Эти ворота с выступающими по бокам бревенчатыми срубами являются гораздо более прочными и долговечными, имеют большую площадь опоры, чем вкопанные в землю одиночные столбы. Такие ворота зафиксированы в настоящее время в нескольких населенных пунктах Медведевского района (Какшансола, Арбаны, Верхнее Азяково, Ошурга, Цибикур). Ворота часто украшались солярной резьбой, изображающей розетку в виде солнца с лучами [Козлова 1964: 63]. Разнообразные в профиль формы срубов из параллельно расположенных бревен обогащают архитектуру ворот и наделяют их объемными эффектами светотени. Середина сруба имеет овальную, треугольную, прямоугольную выемку с декоративной колонкой.

Оригинальные по форме и конструкции ограждения также способствуют взаимосвязи построек с естественным природным ландшафтом. Археологический материал, например, при раскопках Мало-Сундырского городища XIII–XIV вв., подтверждает выявленные следы ограды в виде плетня, окружающего определенные участки [Хлебникова 1967:159], либо плетня, обмазанного глиной, от которого остаются столбы и колья, также частокола из бревен, пазы между которыми были забиты глиной [Архипов 1962: 218–219].

Ограждения (Hämäläinen 1930: 142–143)

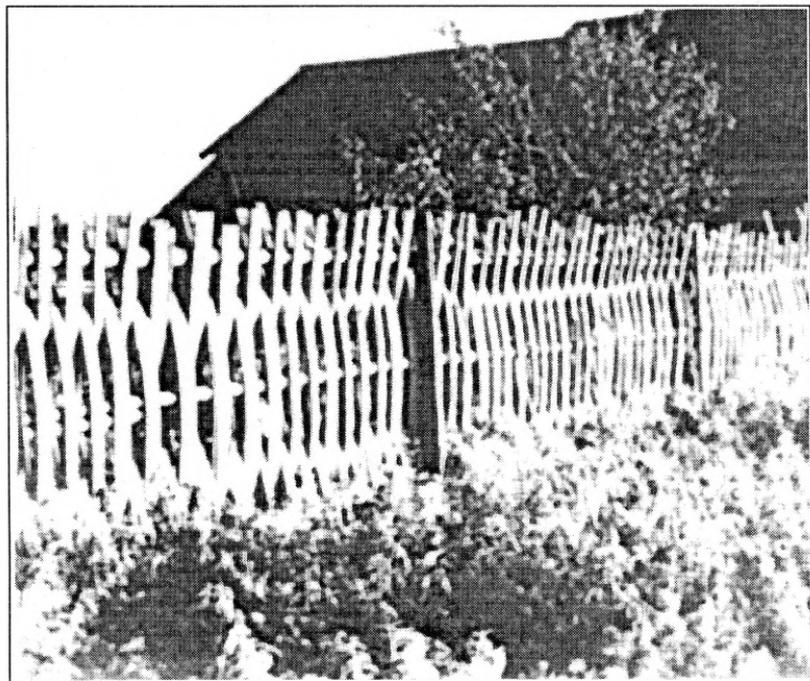
Изгородь вокруг усадьбы называется *суртпече*.

Частокол *тын* сооружался из вертикально вплетенных ветвей тальника или орешника длиной 2–2,5 м в три параллельные жерди, укрепленные между двумя кольями. Для установки тына также использовали еловые сучья, срубаемые с растущих елей. В пространственной организации такое ограждение создавало плавно изгибающийся ритм и обогащало сельский пейзаж.

Плетнем огораживали пасеку, стога сена на лугах, пряслон – поля, загоны, пастбища, укрепляли овраги. Материалом служили ветки осины, ивы, черемухи, иногда – еловые ветки. Ряд кольев из твердых пород деревьев ставился на расстоянии 1–1,5 м, между которыми перевивали прутья. Забор (дощатая изгородь) появился лишь в конце XIX века у зажиточных крестьян. Заплот (изгородь из однорезника) является наиболее старым типом изгороди. Им огораживали усадьбу, огород, особенно в лесных деревнях. Палисад делали из обрезных заостренных реек и оформляли всевозможными резными узорами.

Самой обычной формой изгороди является жердевая изгородь (*ломаш пече*), которая устанавливается из круглых или расщепленных жердей. В качестве вертикальных стояков (*пече мен'ге*) используются дубовые или еловые жерди, которые связываются прутьями из сосны (*пече пидыш*).

Другой, более архаичный и мало встречающийся вид изгороди называется *важмалдык мен'ге пече*. В этой изгороди нет связок прутьев. А жерди положены на стоящие вертикальные опоры. Кроме этих форм можно встретить изгородь из тонкой дранки (*чашма*), применяемую для ограждения усадьбы. Встречаются два основных вида *аньык*. Это ворота-заборы из убирающихся в сторону жердей, имеют два стояка – *аньык мен'ге*, одним из которых является ветвистое дерево, у которого сучья становятся опорой для продольно идущих жердей. У другого вида заграждений стояком служит дерево, в стволе которого проделаны отверстия для жердей [Hämäläinen 1930: 142–143].

Чашма – изгородь

Таким образом, ворота и ограждения объединяли крестьянские постройки усадьбы в единый ансамбль, гармонично связывали архитектуру зданий с окружающей природной средой и способствовали пространственной и образной выразительности композиции.

Народное зодчество марийцев является историко-этнографическим, архитектурным и художественным феноменом. Строительные традиции народных умельцев проявлялись как в выработке уникальных архитектурных конструкций и сооружений, так и в организации среды жизнедеятельности человека, где функциональное и эстетическое начала тщательно соизмерялись и органически проявлялись при выборе места для строительства, умении комплексно организовать постройки в окружающем пространстве. Народное зодчество марийцев испытало инонациональные влияния. Например, заимствованными от русского населения чертами стали планировка селений, формы связи жилища с дворовыми постройками, отдельные типы жилища с обустройством интерьера, стропильное перекрытие крыши, формы наружного декора [Сепеев 1994: 84]. Однако природные факторы в марийских деревнях учитывались в большей степени, чем в русских. Тенденция к беспорядочной планировке ансамбля марийских деревень, усадеб и стремление к рациональному использованию природных условий объясняются древними традициями, являются проявлением самобытных национальных особенностей.

ГЛАВА II

СТРОЕНИЯ

ЖИЛИЩЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Важнейшими компонентами народного зодчества являются жилище и тесно связанные с ним хозяйственно-бытовые и культовые постройки.

Изначально жилищем марийцев, по сведениям краеведа-этнографа Т.Е. Евсевьева, были разного рода шалаши (*омаш*), которые имели покрытую сверху ветками или лубком крышу. Таким же образом были устроены и боковые стороны. В дальнейшем зафиксирован последовательный переход к землянке и бревенчатым постройкам, затем – к курной избе (*шем пöрт*) [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 80. С. 74]. Переход к срубному типу жилища у марийцев, по мнению К.И. Козловой, произошел в XIV–XV вв. [Козлова 1964: 54]. Н.Н. Харузин также отмечал, что жилища финских племен развивались от шалаша к землянке и к наземному срубам [Харузин 1895]. Жилищем марийцев в XIX веке была изба (*пöрт*, *сурт*). Она рубилась из дерева и представляла сруб из бревен с дощатой (тесовой) крышей [Крюкова 1956:111].

В начале и середине XIX века преобладающим типом жилища марийцев была курная изба (*шем пöрт*). Она представляла бревенчатый сруб (зачастую без потолка) с крышей из рубленых досок и примыкавших к нему с одной стороны холодных сеней из досок (под одной крышей). Печь в ней топилась по-черному. «Пол в такой избе был земляной, – отмечала Т.А. Крюкова. – Три стены дома были бревенчатыми, а одна, примыкавшая непосредственно к сеням – дощатая. Изба состояла из одного помещения, размером чаще 5 x 6 метров. Печка была без дымохода. Она представляла собой просто очаг кирпичной кладки, с деревянным основанием. Дымовое отверстие в потолке затыкалось обычно втулкой с намотанными на нее тряпками. Труба была деревянной, из ствола дерева» [Крюкова 1956:112]. Наличие

очага и широких полатей выделил в таких избах И.Г. Георги, указав на низкие двери и на небольшое затянутое бычьим пузырем четырехугольное отверстие, служившее окном [Георги 1799: 26]. Применялись и волоковые окна. Дверь избы была обращена на юг, так как марийцы молились при открытой двери, лицом к солнцу. Ориентировка печи в сторону двери была характерна и для других финно-угорских народов [Сепеев 2001: 57].

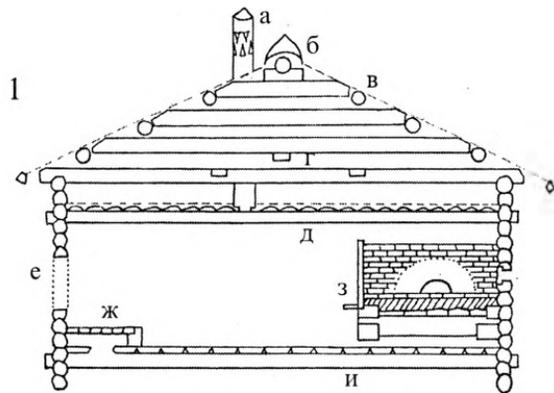
Описание, продольный и поперечный разрезы, план курной избы зафиксированы в полевых материалах Т.Е. Евсевьева в д. Весь-Шурга Моркинского района. В 1908 году этнограф отмечал: «Курная изба существует здесь около 200 лет. Длина и ширина этой избы одинаковы по 7 метров с углом; высота [сруба от фундамента до потолка равна – В.К.] 3 м, а до кровельного конька – 1,65 м. Окон всего четыре: три одинаковые, существующие с основания избы, а одно, побольше размером, приделано впоследствии[...]. Размеры в маленьких окнах: высота 0,2 м, шир[ина] 0,3 м. Дверь состоит только из трех косяков. Нижним косяком служит бревно [...]. Большое новое окно (имеет – В.К.) выс[оту] 0,8 м, шир[ину] 0,6 м вместе с косяками. Половые доски плоские, а потолочные – полукруглые. Трубой служит дупло. Устройство печки – на особом срубе – *комака олмы*» [Архив финно-угорского общества SUSA. XI (1.34): 1–2].

В курных избах использовались волоковые и косячатые окна. Внутренняя планировка интерьера выделялась рациональной простотой и включала полати, лавки, глинобитную печь без дымохода. Более подробно поперечный, продольный разрезы, план избы представлены в схематическом чертеже. В нем под №1 дан поперечный разрез избы, под №2 – продольный разрез, под №3 – план избы, под №4 – конструкция бревна [Архив финно-угорского общества SUSA. XI (1.34): 1–2].

Обычная двускатная крыша избы покрывалась колотыми досками, дранкой либо липовой корой. Ее конструкция была самцовой, когда бревна торцовых стен на фронтоне и заднике суживались треугольником. Боковые бревна закреплялись на углублениях этих торцовых бревен, являлись опорой для досок крыши. Доски упирались концами в пазы верхнего

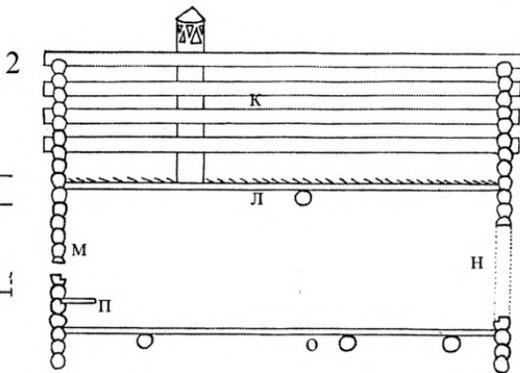
1 – поперечный разрез:

- а) дуплистое дерево
- б) конек
- в) самцы, следи
- г) отверстия на самцах
- д) матица
- е) окна
- ж) нары
- з) печка
- и) перекладины

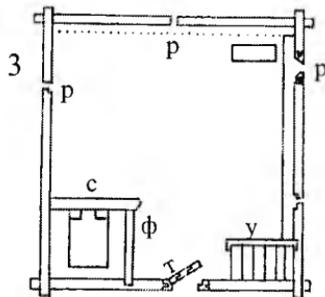
2 – продольный разрез:

- к) следи и труба
- л) матица
- м) окно
- н) дверь
- о) перекладины
- п) лавки для сидения

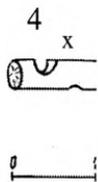
3 – план избы:

- р) окна
- с) печь
- т) дверь
- у) нары
- ф) боковая доска печи

4 – конструкция бревна:

- х) углубление и паз для мха

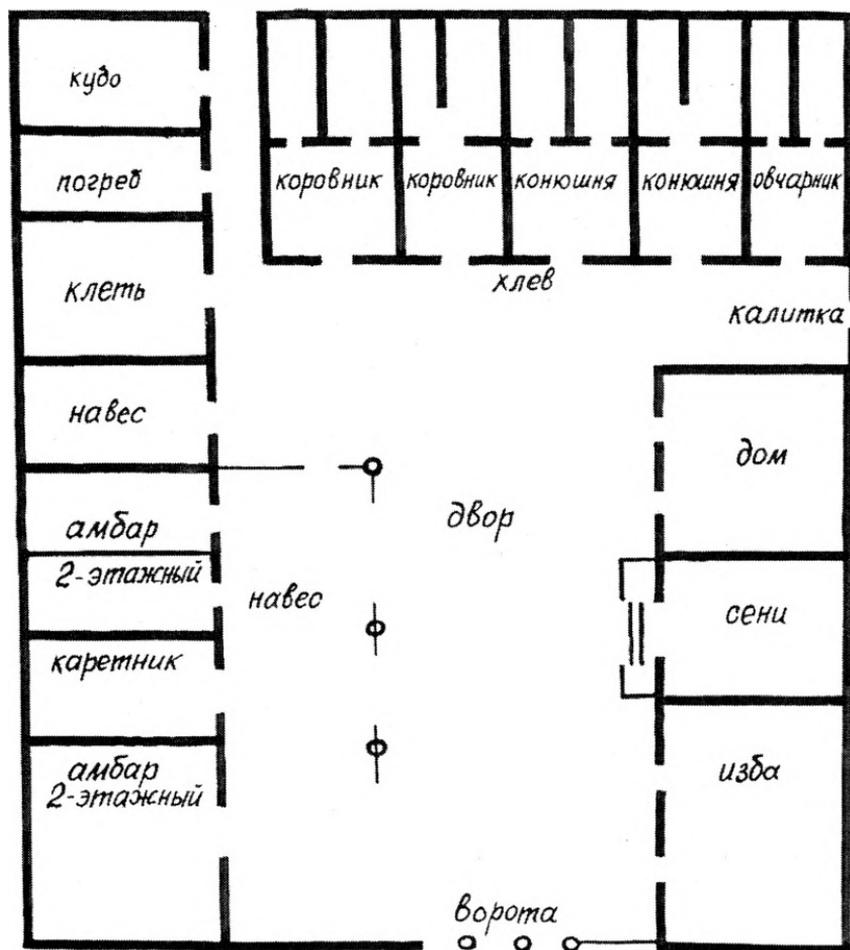

Курная изба, д.Весьшурго Моркинского р-на (SUSA. 1. 34: 1–2)

бревна-охлупня (*вуйволак*) и двух нижних бревен-желобов (*тўрволак*), последние поддерживались 2–3 крюками. Охлупень оформлялся скульптурной головой коня или изображением птицы, придавая тем самым образному решению художественную выразительность [Сепеев 2001: 58]. Устройство двускатных крыш домов на самцах в течение II половины XIX века постепенно заменяется к концу XIX века стропильной конструкцией. Но самцы продолжали использовать на хозяйственных постройках. Двускатные крыши сохранились и при стропильной конструкции. Материалами для покрытия служили дрань, колотая топором, кора и солома. В конце XIX века крыши стали покрывать тесом, который заменил дрань. До появления пилы жилища целиком сооружались с помощью топора и долгое время в деревянном строительстве не использовались гвозди [Козлова 1964: 57]. Специальный деревянный желоб поддерживался деревянными крючьями – «курицами». Конек крыши изредка украшался резными изображениями животных. В южных районах большое распространение имела деревянная кровля из щепы. В зажиточных домах кровля делалась из железа. В настоящее время для кровли используют доски, металлические или волнистые асбоцементные листы. Кровля настилается по обрешетке, которая выполняется из жердей-слег или из досок, укладываемых на расстоянии 60–70 см друг от друга. Сама кровля настилается из досок в один, реже в два слоя. Стропила крыши выполняются из бревен, скрепленных между собой врубкой в коньке. Они опираются на верхний венец сруба лобовой врубкой. Свес кровли из асбоцементных листов устраивается по кобылкам. При тесовой кровле кобылки не делаются, а свес образуется из досок кровли, выпущенных на наружную плоскость стены на 50–70 см. Карниз часто обшивается досками и украшается резьбой.

Потолок избы укладывается по врубленному в верхние венцы окантованному брусу – матице. В зависимости от размеров избы делается одна или две матицы, на которые настилаются чистые выструганные доски, образующие потолок. Как правило, доски потолка размещаются на матицу сверху, это в какой-то мере позволяет увеличить высоту

помещения. В качестве утеплителя на чердаке использовались сухие листья или мох, сверху покрытые сухим грунтом. В настоящее время с этой целью применяют шлак, керамзит.

План усадьбы С.Г. Казанцева,
д. Мустаево Сернурского р-на. 1908 г.
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.116. Л.47а)

Собственно жилой дом планируется в передней части двора, чаще всего с клетью-амбаром и другими хозяйственными постройками. Высота срубов в среднем обычно состоит из 14–16 венцов. Повсюду в Поволжье жилищем служила срубная бревенчатая изба. Под углы дома ставились столбы или подкладывались камни [Козлова 1964:56]. По сведениям информаторов, фундамент вновь воздвигаемого дома закладывался на расстоянии 30–50 см от старого, а дома отдельно выделяющихся членов семьи ставились по берегам рек и по ее течению в надежде на предотвращение неприятностей и во избежание ссор [Инф. В.Д. Танаков, д. Лумарий Новоторьяльского района].

В основном двухраздельный («изба+сени») и трехраздельный типы планировки жилища («изба+сени+изба» и «изба+сени+клеть») были характерны на территории Марийского края. Задняя изба могла использоваться и как жилое, и как производственное помещение (для занятий домашними кустарными промыслами), и как временное зимнее помещение для размещения молодняка скота. Назначение клетки определялось как место для хранения одежды и необходимых непортящихся продуктов, а летом служило спальней.

В настоящее время в сельской местности сохранились все основные типы жилищ, имевшие место в прошлом, также появились и другие варианты. По исследованиям ученых, широко распространенный в прошлом тип жилища «изба+сени+изба» частично сохранился только в восточных районах республики и в настоящее время является исчезающим, а в северных и восточных районах Марий Эл преобладающим типом является трехраздельное жилище «изба+сени+клеть» [Козлов, Сепеев 1986: 69]. В записи участника экспедиции Московского государственного университета 1929 года Н. Чебоксарова сохранилось описание последнего типа на примере избы братьев Османовых (д. Мари-Китня Мари-Турекского района): «I. Изба старшего Османова (*pört*) с примыкающими к ней сзади сенями (*pörtönчыл*) и клетью. Изба старика Османова построена около 50 лет тому назад из елового и пихтового леса самим хозяином, рублена в угол из 14 венцов (пусак)... Жилой дом состоит из: 1) собственно

избы (*пöрт*); 2) сеней (*пöртöнчыл*) и 3) клетки (*клат*). Собственно изба – в виде четырехугольного сруба с дощатым высоко поднятым полом (*күвар*), покоящимся на 3 переводах (*ава кашта*), укрепленных каждый на 3 столбах (*менгге*). Половицы (*күвар онга*) соединены впригонку. Потолок (*пургыж*) – дощатый, непосредственно налегающий на матицу (*авагаашта*), – утеплен землей. Дверь (*омса*) в задней стене, 4 окна (*тöрза*) по передней и боковой стене. Кирпичная печька (*конга*) на брусчатом подпечке, рубленным в лапу. Планировка избы обычная: 2 широкие лавки (*олимпбал*) вдоль стен, полати у задней стены (*шелдра*) на поперечном бруске (*кашта*). Другой брус – продольный – для вешания платков и платья, отделяет женскую половину. Между ним и стеной – полка. Печька вправо от двери. На правой боковой стене шкаф (*шöрлык*). Под избой – подполье (*күварйымал*)... В сенях сбоку – уборная (*шондан*) в виде дощатой пристройки. Крыша (*леведыш*) всей постройки тесовая обычного устройства. II. Небольшая изба младшего Османова, находящаяся внутри двора. Изба младшего Османова построена в то же время, что и старика, также из елового и пихтового леса и рублена в 18 венцов в угол и имеет такое же устройство, что и предыдущая, но состоит только из жилого дома (*пöрт*) без клетки сзади. Подполы значительно ниже. Пол на 3 переводах, потолок на 1 матице. Окон 4: трое боковых и одно на обращенной во двор стене. Внутреннее устройство обычное для марийских изб, но лавки значительно уже, полати отсутствуют. К избе примыкают сени с земляным полом. Крыша (*леведыш*) тесовая на 1 паре стропил и на самцах у задней стены. Крыша – общая с сенями[...]. В сенях широкие лавки для сна и [размещения – В.К.] ... домашнего скарба» [ИРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Тетр. 3. Л. 1–3]. В описании избы младшего Османова просматривается тенденция к строительству двухраздельного жилища «изба+сени», которая объясняется увеличением в сельской местности количества малочисленных семей, ограничивающихся подобной планировкой, и уменьшением площади на хозяйственно-бытовые цели. В современных двухраздельных домах строятся большие и просторные сени, а роль клетки выполняет отгороженный чулан.

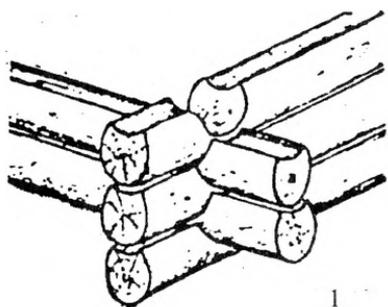
Характерной особенностью расположения домов в северных и восточных районах республики является то, что они возводятся на высоком подклете. Такой способ в целом присущ жилым постройкам всех народов лесной зоны Европейской России. Рациональный смысл подобных конструкций домов заключается в том, что более высокий дом меньше заносит сугробами снега; во-вторых, пол его приподнимается над промерзшей землей и отделяется от нее воздушной прослойкой, что не позволяет охлаждаться; в-третьих, подпольное помещение используется для хранения продуктов и овощей в зимний период; в полу устраивается люк в качестве доступа в подполье или дверца в боковой стене дома неподалеку от крыльца; с целью проветривания подполья в нижних венцах стены прорубаются небольшие отверстия [Козлов, Сепеев 1986: 78].

Строительным материалом для возведения срубов домов служат деревья хвойных пород, чаще всего ель и сосна. Зафиксирована примета, по которой определяли качество строительного леса: *Кожын тўнҥ вожишо кечывалвелышкыла гын, тудо пёрт нёлташ келшыше* – Если основной корень ели обращен на юг, то дерево пригодно для постройки дома [Китиков 1989: 255]. Толщина бревен в диаметре составляет примерно от 25 до 35 см. Первый венец укладывается на большие камни, которые устанавливаются под углами сруба или на кирпичную кладку на цементном растворе. Можно встретить и столбчатый фундамент из деревянных стоек, установленных по углам дома. Деревянные фундаменты встречаются уже редко, традиция их использования уходит в прошлое. Стены домов поднимаются на высоту 15–16 венцов, хотя могут быть и более высокие срубы для устройства под домом высокого подполья. Пазы сруба между венцами конопатят мхом или паклей. Паз в венцах делается снизу, но встречаются дома, в основном старой постройки, когда паз выполнен сверху венца. Более практичным считается расположение паза снизу, которое исключает попадание атмосферной влаги в паз. Ее форма такова, что при осадке сруба уплотнение конопатки происходит в основном по краям паза, а в середине оно незначительное. Такой конструктивный прием позволяет сохранить теплотехнические свойства конопатки при осадке сруба.

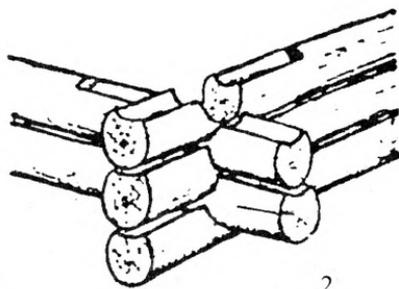
В народной памяти сохранились обряды, соблюдаемые перед рубкой деревьев. Например, лес обычно рубили на новолуние, в конце ноября – начале декабря. Со слов информаторов, сруб для дома сооружали в сыром или полусыром «зеленом» виде дерева, так как сырое дерево было легче рубить, а при высыхании конструкция становилась прочнее и крепче. Под первый ряд бревен на мох клали серебряные монеты, мех и высказывали пожелание, чтоб в доме жили счастливо, было в нем тепло, чтоб хозяева были здоровы, был приплод скота. Строители с радостью рубили матицу, желали здоровья и счастья новоселам. Их угощали блинами, мясом, яичницей, круглым караваем хлеба. Прежде чем срубить дерево, например, произносили молитву такого содержания: *Чодыра Кугу Юмо! Пиалан илышым, поро тазалыкым, сурт пиал дене, вольык пиал дене сай, весела илаш, еш пиал дене, сай таза ляш, сурт юмо дене поро пиалым, тазалыкым пуэн шогыза!* – О, Великий Бог леса! Способствуй счастливой семейной жизни, доброму здоровью, хозяйственному процветанию, приплоду скота! [Инф. С.Н. Ямаев, 1931 г.р., д. Олоры Параньгинского района]. Другие информаторы отмечали, что на матицу клали мех с надеждой на благополучную жизнь [Инф. И.С. Семенов, 1929 г.р., д. Янтемирово (Ондроп Сола) Параньгинского района]. Есть и другие сведения: в щель между дымоходной трубой и потолком помещали мех, тлеющий запах которого при сильном накаливании кирпичей предупреждал об опасности возникновения пожара [Инф. Я.А. Данилова, 1914 г.р., д. Олоры Параньгинского района].

Концы бревен на углах сруба преимущественно рубятся с остатком «в угол», «в чашу» или «в обло», иногда без остатка «в лапу». Нередко углы дома обшиваются досками с закладкой под обшивку утеплителя (пакли), чтобы предотвратить продувание и промерзание в углах. В южных районах республики фасадная стена с наружной стороны зачастую обшивается досками в «елочку» или горизонтально. С внутренней стороны бревна стесываются, образуя плоскую поверхность, расчлененную пазами венцов, они обычно не покрываются штукатуркой, но в большинстве случаев окрашиваются масляной

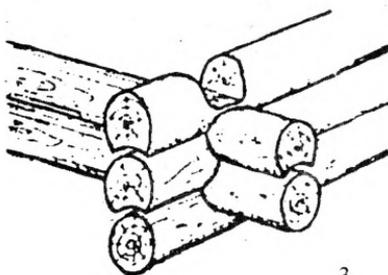
краской светлых тонов или оклеиваются обоями. В 4-й или 5-й венец врубаются 2–3 перевода из бревен, на которые настиляется пол дома. Пол делается из чистых строганых досок, толщиной не менее 50 мм.

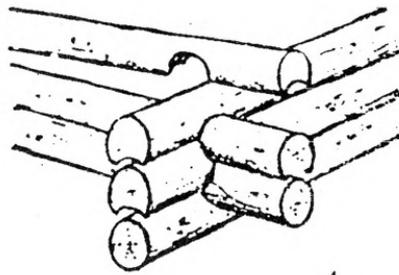
1

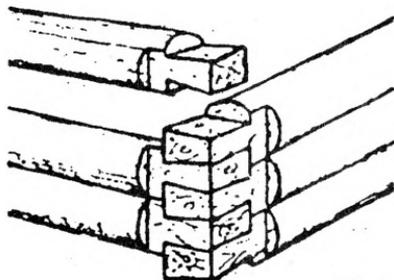
2

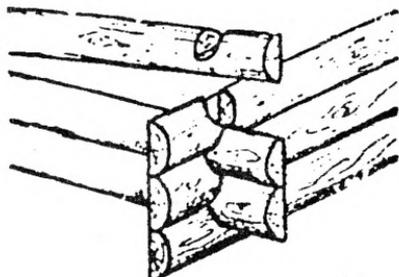
3

4

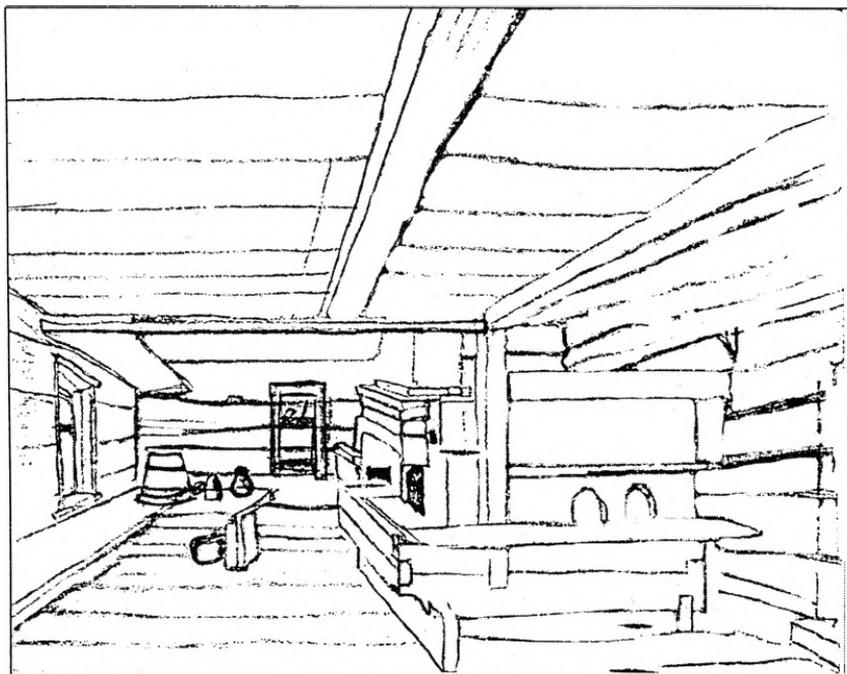
5

6

Способы рубки угла и соединения бревен сруба:

- 1, 2, 3 – «в чашу», «в угол», «в обло»,
 4 – «в охлуп», 5 – «в лапу», 6 – «в крюк»
 (Вавилин 1980: 40)

Интерьер избы. Рис. Л. Мстиславского. 1929 г.
(НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Темп. 3. Л. 3)

Печь в избе ставится на сруб из еловых или сосновых бревен. Сам сруб опирается на камни, уложенные под углы, или на деревянные столбы, вкопанные в грунт. Установка печи на сруб является более распространенной. Сруб обычно делается невысоким и в зависимости от высоты подполья состоит из 4–5 венцов, рубленых по углам «в лапу». На сруб укладываются доски толщиной 40–50 мм в виде сплошного настила, который сверху покрывается слоем грунта. На грунт насыпается слой песка и на него укладывается кирпич под печь. В некоторых деревнях существует обычай класть в основание печи прутья в форме креста с целью сохранения тепла и улучшения вкусового качества выпекаемого хлеба: *Конга пундаш вяян лийже да кинде сай лийже манын, конга пундаш йымак крестым воштыр гыч ыштен пыштат ыле* – Чтоб хлеб получился вкусным, в основание печи клали

прутья в виде креста [Инф. И.С.Семенов, 1929 г.р., д. Янтемирово Параньгинского района].

Информатор К.И. Демидова (1927 г.р., д. Пертнурь Горномарийского района) сообщила, что свой дом они строили с общественной помощью *вўма – вима*, что новый дом нельзя строить на месте старого, перед началом строительства читали молитвы, просили духа *пёрт оза* помочь успешно вести строительство, специально пекли блины и совершали обряд кормления. При завершении каждого вида работ проводили магические действия-обряды: укладывая матицу, клали рябиновые ветки, шубу, деньги, выносили каравай, ставили бутылку водки. Чтобы новая печь была теплой и служила долго, хозяйка дома пекла блины и первые из них бросала на огонь в печку, остальными угощала печника. В честь поселения в новый дом устраивали новоселье (*пёртсий, пёртси*), приглашали близких родственников, соседей, друзей; гости обычно приходили с караваем хлеба, бочонком пива или самогонки, под матицу втыкали медные деньги с надеждой на богатую и счастливую жизнь. «Помочи» были характерны для марийской деревенской общины. Труд деревенских жителей в таких случаях привлекался исключительно за угощение. Сохранившиеся свидетельства марийских крестьян и местных воевод в XVIII веке по этому поводу подтверждают, что, по показанию марийских крестьян Царевококшайского уезда от 10 ноября 1733 г., марийцы Элметь Эшмеков, Анисим Алдубаев, Китан Пиркин, Бурундук Табашев Ошлинской волости в деревне Яшнур «собралися в той же волости в доме у черемиса Афонки Феткина на помочи» [Иванов 1995: 138–139].

В народном жилище проявилась целостность мировоззренческих основ о вселенной. Человек объединял себя с небесным пространством, с космосом, что было присуще мироощущению крестьянина. Крыша жилища символизировала небесный свод, нижние венцы сруба дома связывались с землей, пространство от бревенчатого фронтона до нижних венцов сруба относилось к среднему ярусу [Климов 1999: 67, 86]. Исследователь народного искусства удмуртов К.М. Климов в эволюции жилища от курной избы к дому *кõлан кенос* видит «семантическое и пластическое стремление» к

вертикали и объясняет это отношением человека к внешнему миру, а в двухэтажных амбарах в связи с развитием строительных конструкций прослеживается «стремление» перехода на горизонталь [Климов 1999: 87].

Народные мастера, используя традиционные элементы орнамента, создавали нарядное оформление домов. Фасад в основном декорировался плоскостными изображениями. Распространенным элементом оформления является различный геометрический орнамент, состоящий из фигур, линий и их комбинаций, а также из кругов различных размеров, спиралей, ромбов, квадратов, треугольников, прямых и наклонных крестов. Часто они дополняются сочетанием прямых и ломаных линий, реже встречается шнуровой орнамент, представляющий собой изображение прямых и кривых узоров, вырезанных в виде шнура, шнуровым орнаментом чаще украшались наличники окон в домах старой постройки [Козлов, Сепеев 1986: 82; Соловьева 1986]. Трехгранно-выемчатая глухая резьба является наиболее древней, ею покрывали столбы и полотнца ворот, наличники окон, подзоры домов; русское влияние прослеживается в барельефной резьбе с изображениями стилизованных листьев и гроздьев винограда, а в конце XIX века – в пропиленной и прорезной резьбе [Крюкова 1956: 116, 118].

Изображение животных и птиц, т.е. зооморфный орнамент, также используется в оформлении жилища, но более распространенным был в прошлом. Образы коня, утки, гуся считались традиционными в резном искусстве марийцев, а образы птицы с распростертыми крыльями, петуха, белки и других были заимствованными. В оформлении домов (наличников окон, углов дома) распространение также получил растительный орнамент, многие мотивы которого получили заимствование из культур соседних народов. Традиционным мотивом растительного орнамента является узор в виде хвойной ветки (елочки), листьев или колосьев. Растительный орнамент встречается в сочетании с напоминающим шнур рисунком, который обрамляет основное изображение.

В оформлении жилища широко применялась пропиленная и пропиленно-накладная резьба. Образцы традиционной резь-

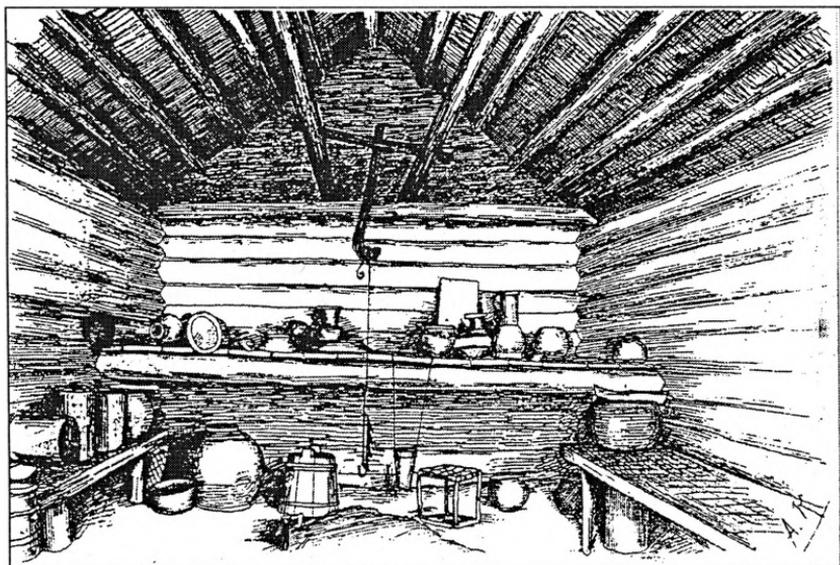
бы – выемчатой или долбленой – встречаются на сохранившихся старых постройках в северных и восточных районах республики. Ими украшали наличники окон и особенно столбы или стойки ворот. Этот вид старинной резьбы в настоящее время используется редко. Традиции русского декоративно-прикладного искусства в виде барельефной резьбы сказались в оформлении жилища со второй половины XIX века, пропиленной – с конца XIX века. А в настоящее время под влиянием народного творчества татар широко применяется полихромное оформление фасадов домов (наличников, фронтонов, крылец, ворот, заборов). Фасады домов отделываются простой обшивкой досками горизонтально или фигурной – «в елочку». Разнообразна и обшивка фронтона: горизонтально, вертикально, «в елочку» и др. Кроме того, фронтон оформляется резными накладками и так называемой «ложной» решеткой, а в южных районах – закруглением его нижних углов и полихромной раскраской. Формы слухового окна различны – четырехугольная, многоугольная, круглая, полукруглая. Повсеместно можно встретить дома, на фронтонах которых устроены балконы-галереи с колоннами и декоративной решеткой. Обычно по прямому назначению они не используются и служат в качестве декоративного украшения фасада жилого дома.

Кудо – наиболее старинный образец построек марийского двора, в прошлом имел культовый характер, а с XIX века использовался в качестве летней кухни. По свидетельству В.А. Моржанаева (1951 г.р.), в д. Русский Кадам Советского района в 1960-х годах было *кумалме кудо*, где проводились моления всей деревней и приносились жертвоприношения. Эти традиции обрядово-культового назначения в массовом масштабе еще с конца XIX века во многом были утрачены. В нескольких районах Республики Марий Эл в настоящее время *кудо* используется как место для приготовления пищи, так и для хозяйственных складских помещений. Долгое существование подобной постройки является свидетельством того, что, например, русские заимствовали его в качестве летней кухни и называли лачугой [Козлова 1978: 248; Козлов, Сепеев 1986: 53]. Рубленые стены *кудо* состояли из 10–12 венцов,

углы которых рубились как с остатком, так и без остатка. Бревна для сруба использовались более тонкие, чем при строительстве дома, с внутренней стороны не окантовывались. Пол и потолок в качестве конструктивных элементов в интерьере не использовались. Двускатная крыша покоится на 2–3 парах наклонных стропил, кровля тесовая, выполненная по обрешетке из жердей или пластин. В старых постройках можно встретить кровлю из колотых или тесаных досок на самцах и курицах. Сверху вдоль *кудо* размещались две параллельные балки из бревен или брусьев на расстоянии 50–70 см друг от друга, врубаемые между двумя верхними венцами, на которые подвешивали котел для варки пищи. В центре интерьера находился открытый очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше над очагом. Вход в помещение обычно находился с торцевой стороны, иногда в боковой продольной стене, и зависел от планировки двора и расположения на нем *кудо*. Для выхода дыма использовалась щель между верхними краями скатов или оставлялось четырехугольное отверстие в крыше. Через эту щель или отверстие в помещение проникал свет. Применение таких конструкций, как гнеты, самцы и огнива, позволяло строить без гвоздей.

Плодом творческой фантазии народных зодчих в архитектуре сельского двора являются *кудо* и двухэтажный амбар (*ўмбала клат, кок пачашан клат, пулдыр, пултур*). Сооружение подобных оригинальных строений было устойчивой традицией в культуре марийцев. Их архитектура выразительна и проста в конструкциях, в ней выражается присущий этносу своеобразный облик.

Амбары бывают одно- и двухэтажные, имеют наружный вход в оба яруса. Двухэтажные амбары с галереей обычно ставились во дворе, на противоположной стороне от дома (иногда примыкали к дому со стороны сеней). Они сооружались вплоть до 30-х годов XX века. Первый этаж был приспособлен под хлебные закрома, а верхний служил хранилищем одежды и летней спальни. Лестница соединяла оба уровня. К сожалению, в современных сельских усадьбах подобные клетки-амбары не строятся. Так как клеть по своему

Интерьер кудо. Рис. А. Рейнхольма. 1880-е гг.
(SUKA 21:115)

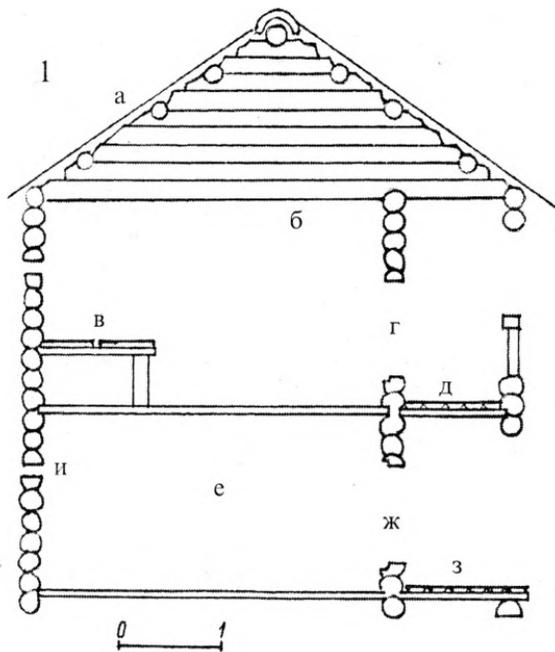
функциональному назначению не служит жилым помещением, окна в ней не прорубаются. Тем не менее почти везде можно встретить клетки, в которых используется небольшое окно для освещения помещения, его размер не превышает 50 см с обеих сторон. В некоторых дворах среди старых построек иногда встречаются амбары, которые служили для хранения зерна и муки. Крыши традиционных двухэтажных амбаров возводились на самцах (с конца XIX века они уступают место крышам на стропилах).

Т.Е. Евсевьев оставил описание и чертежи двухэтажного амбара *тошто мари клат*. Эта постройка выделяется большими размерами, нижний этаж предназначался для хранения зерна, а верхний – для одежды, хозяйственных предметов, также использовался в качестве спального помещения, а летом в галерее девушки и женщины занимались вышиванием. Этнограф отмечал: «Для устройства спанья место устраивается при помощи чурбанчика, жердей и досок... Половые доски нижнего этажа и потолочные... настланы в ширину, концы которых прикреплены к пазам противо-

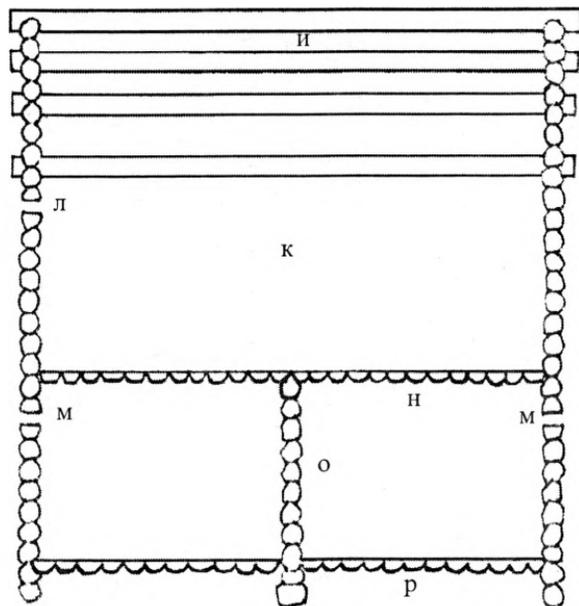
положных бревен... Матицы нет. Верхний этаж не разделяется на части... Длина амбара – 6 м, ширина – 5,2 м, высота до водяной крыши – 4,2 м, высота до второго этажа – 2 м, высота от водяной крыши до кровельного конька – 1,6 м, высота от земли до кровельного потолка – 5,8 м. Двери одинакового размера: высота 1,2 м, ширина 1,0 м. Под № 1 показан поперечный разрез амбара, под № 2 – продольный разрез» [Архив финно-угорского общества. SUSA. 1.34: 28]. Иногда второй этаж разделялся стеной или перегородкой на две половины с отдельным входом в каждую. Вход на первый этаж амбара был сделан через большие одностворчатые двери. Строились амбары в виде сруба высотой в 20–22 венца и ставились на деревянные столбы или на камни, устанавливаемые по углам. Бревна нижнего венца торцовых стен выступали за плоскость продольной стены со стороны двора на 80–100 см и на них настилались широкие строганные доски. Таким образом, настил оказывался приподнятым над поверхностью земли на 20–30 см.

Сруб клетки, как и сруб избы, рубится в 15–16 венцов (в старых домах встречаются клетки, рубленные в 22 венца). Благодаря большой высоте подклети, уровень пола клетки обычно выше, чем уровень пола сеней и избы. Вход в подклеть расположен со двора через небольшую дверь, недалеко от крыльца. В подклети находится погреб для хранения продуктов.

С амбаром связано много семейных обычаев и обрядов: невеста здесь пряталась от жениха, первая брачная ночь проходила здесь даже в самые сильные морозы. Если большая семья не имела возможности построить каждой супружеской паре отдельный амбар, то в разных углах одного амбара за занавесками устраивались супружеские постели, здесь же хранилось приданое невесты, одежда малой семьи, а хозяйкой в таком амбаре считалась женщина [Козлова 1964: 54]. Дополнительные сведения об амбарах имеются и в других источниках: «Двухэтажная постройка, состоящая из системы пяти срубов из еловых 4 вершковых бревен, из которых два нижних, рубленные в 10 венцов, поставлены прямо на землю и представляют из себя хлебные амбары, 3 верхних меньшего

2

Двухэтажный амбар (SUSA.1.34 (XI): 27–28)

1 – поперечный разрез:

а) самцы, следи	д, з) пол
б) верхний этаж	е) нижний этаж
в) место для сна	и) отверстие
г, ж) дверь	

2 – продольный разрез:

и) следи	н) нижний этаж
к) верхний этаж	о) стена
л, м) отверстие	р) пространство под амбаром

размера поставлены поверх нижних, рубленных в 11 венцов каждый, и представляют из себя клетки (*клат*). Раньше для каждого женатого сына устраивали по отдельной клетке. Концы положены доски, образующие галерею... На эту галерею ведет у конца ... лестница (*тошкалтыш*) и на нее же выходят двери всех 3 клеток. В амбарах и клетях – дощатые полы и потолки. В амбары ведут широкие двустворчатые двери в виде ворот, по обе стороны от которых вдоль боковых стен расположены закрома для зерна (*лар*). Крыша постройки тесовая обычного устройства. К амбару примыкает лабаз (*леваш*) в виде навеса на столбах с односкатной тесовой крышей с дощатыми и бревенчатыми стенами. Столбы, поддерживающие навес (*менге*), укреплены на больших тесаных камнях...» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Тетр. 3. Л. 4]. Наличие в усадьбе марийцев лабаза – навеса для хранения сена, размещения тарантаса, саней – подтверждают сообщения информаторов [Инф. Е.А. Каравайцева, 1918 г.р., д. Какшансола Медведовского района].

К старинному типу относится амбар для хлеба – *шурно клат*. В архивных документах сохранилось его описание: «В ширину 5 м с углами, а в длину с платформой – 5,8 м. Высота до водяной крыши равна 2,4 м, а до кровельного конька – 3,7 м. Внутри амбара к задней стене устроено место для хранения зерна, называемое *кинде пырче пура*. Полom для этого места служит пол амбара, а задней стеной – сама стена амбара. Налево от двери находится старинная черемисская ручная мельница *кид вакш*. Здесь наскоро можно молотить и обдирать яровой хлеб. Дверь амбара старинной формы, которая запирается деревянным замком и ключом. Размер двери – ширина 1 м, высота 1,2 м» [Архив финно-угорского общества. SUSU. 1.34 (XI): 20]. На рисунке под № 1 представлен продольный разрез, под № 2 – поперечный разрез, под № 3 – план амбара для хлеба.

Полное сходство марийского амбара обнаруживается с аналогичными постройками удмуртов и финнов. Оно объясняется как конструкцией, функциональным назначением, так и связью с миром не только конкретно усадьбы, но и окружающим пространством в целом. Архитектурной выразитель-

1 – продольный
разрез:

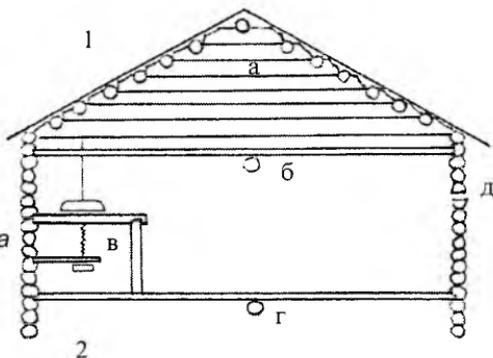
а) самцы, слeги

б) матица

в) ручная мельница

г) пол

д) отверстие

2 – поперечный
разрез:

е) слeги

ж) потолок

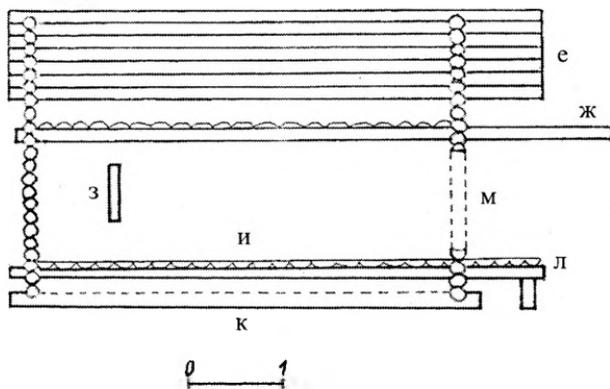
з) разрез

и) пол

к) нижнее бревно

л) платформа

м) дверь

3 – план:

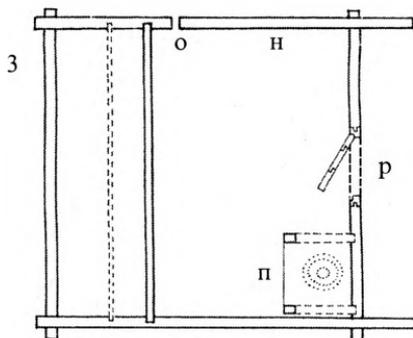
н) место

для зерна

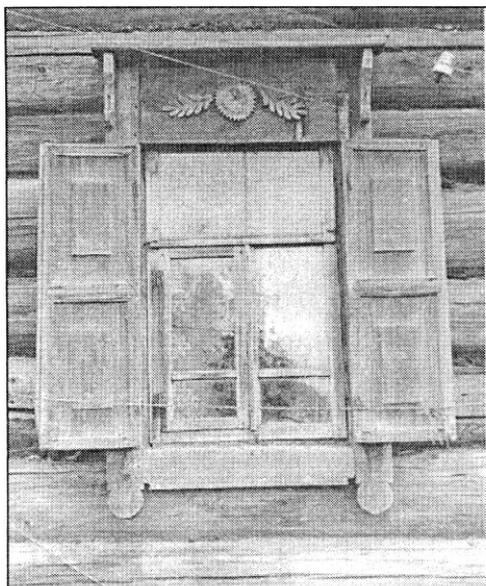
о) отверстие

п) ручная мельница;

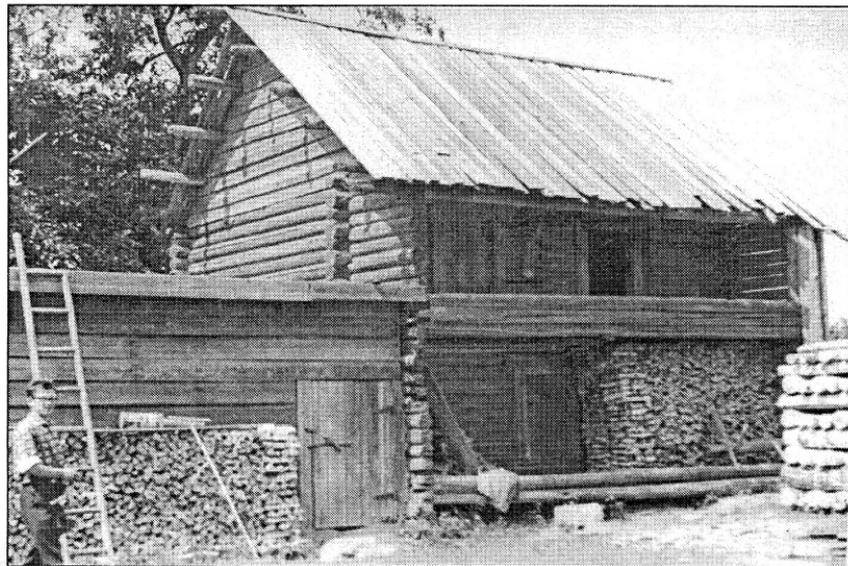
р) дверь

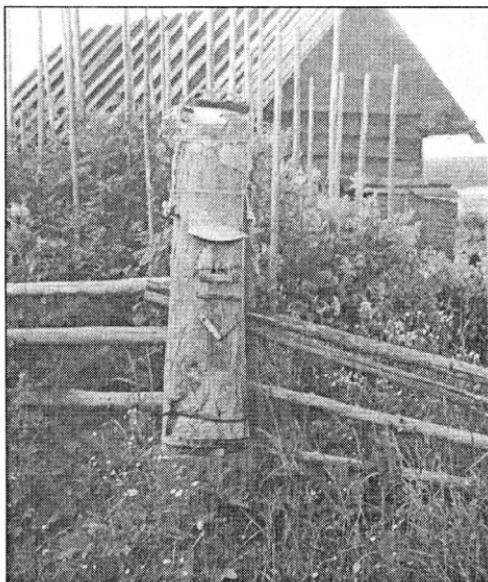
Амбар для хлеба (SUSA. 1. 34 (XI): 19–20)

Ставни. Фото П. Петрова
(НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966.
Д. 40. Л. 142)

Двухэтажная клеть с галереей. Фото П. Петрова
(НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966. Д. 40. Л. 200)

*Колодный улей.
Фото Г. Шаблатова
(НРФ МарНИИ. МЭЭ 1980)*

Дом. Фото Г. Сепеева (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966. Д. 40. Л. 11)

ностью, многообразием вариантов и оригинальностью конструктивных форм выделяется этот тип постройки в ансамбле крестьянской усадьбы.

Баня (*монча*) также занимает важное место в жизни марийцев. О древности ее происхождения свидетельствует обрядовое значение. И в настоящее время она часто используется в народной медицине, здесь молились о здоровье старику-старухе бани [Петров 2000: 13]. В бане обитал дух-покровитель здоровья членов семьи – *монча кува, кугыза*, обращение людей к ним способствовало очищению. Она использовалась во время свадебных обрядов, поминок. Считалось обязательным помыться и попариться в бане накануне

1 – поперечный разрез:

а) потолок, труба

б) стена

в) пол

2 – продольный разрез:

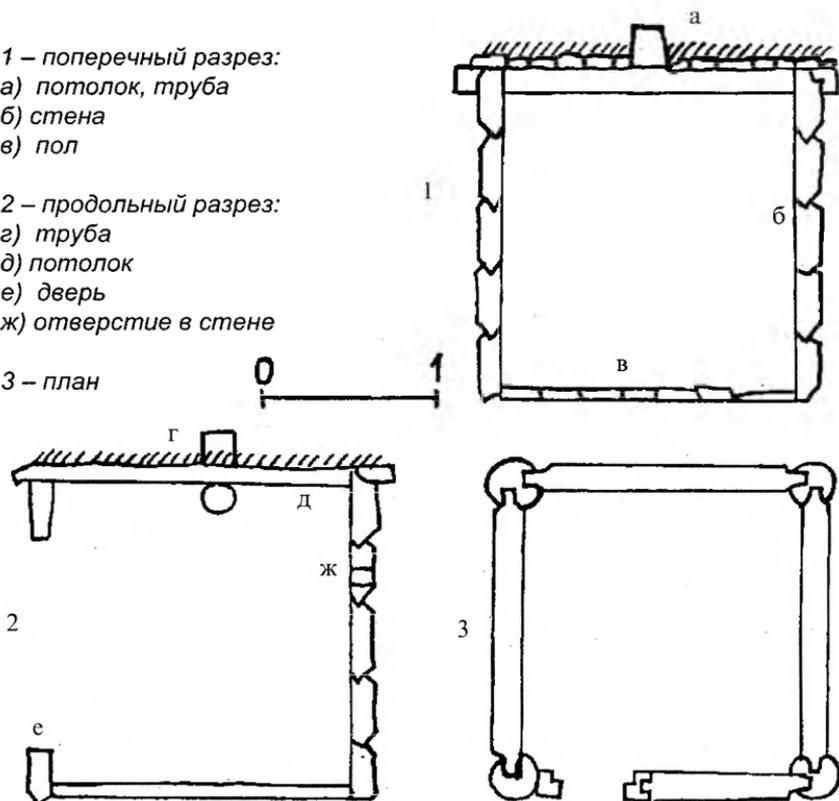
г) труба

д) потолок

е) дверь

ж) отверстие в стене

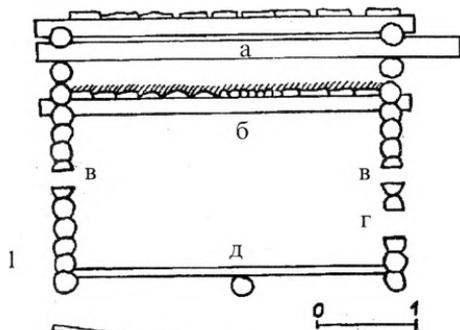
3 – план

праздников, перед общественными и семейными молениями и различными обрядами. Ее всегда топили после похорон покойника, накануне частных и общих поминок, а также топка бани считалась непременным условием гостеприимства. В бане женщины рожали детей. Хозяйственно-бытовые функции ее связаны со стиркой белья, сушкой льняных и конопляных снопов [Сепеев 1975: 132–133; 2000: 71].

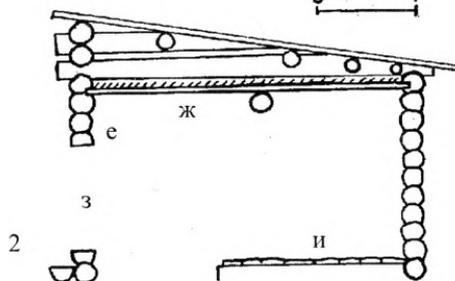
1 – продольный разрез:

- а) бревно
- б) матица
- в) дымовое отверстие
- г) окно
- д) пол

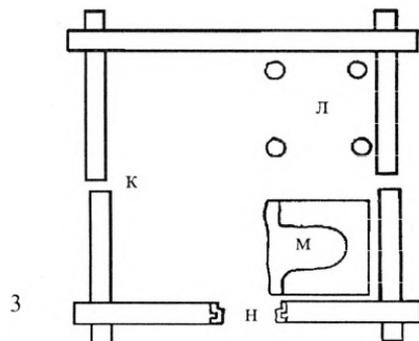
2 – поперечный разрез:

- е) стена
- ж) потолок
- з) дверь
- и) пол

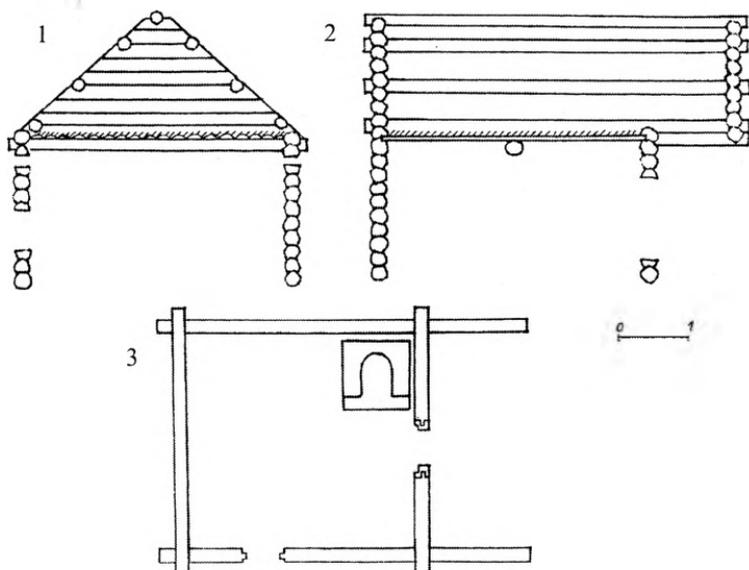
3 – план:

- к) окно
- л) полок
- м) печь
- н) дверь

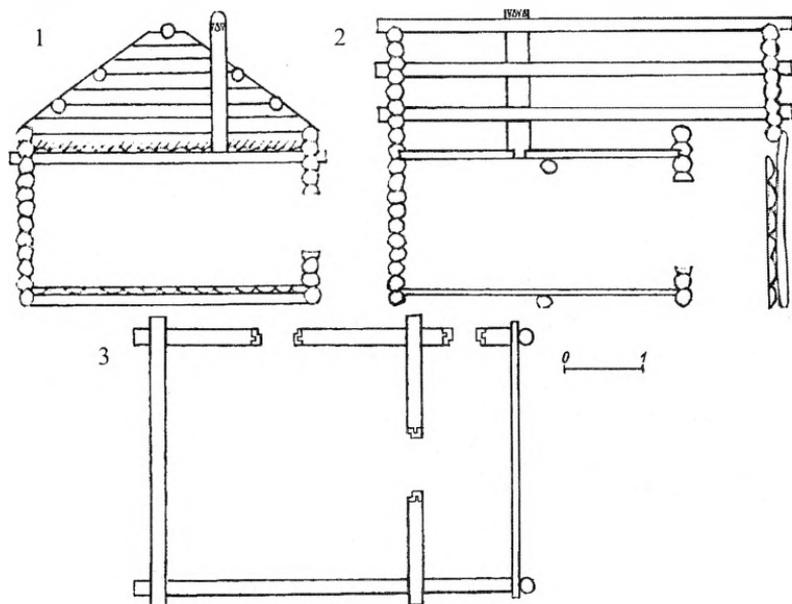

Марийские бани чаще всего были срубной конструкции с предбанником, имели как односкатную, так и двускатную кровлю. Для ее покрытия использовали кору, солому, доски. Печка-каменка с топкой по-черному или по-белому обычно располагалась в ближнем от входа углу.

Известно несколько видов. Оригинальные бани с односкатной крышей запечатлены Т.Е. Евсевьевым в деревнях Яшково Медведевского и Шиньша Моркинского районов. Их планы, поперечный и продольный разрезы показаны на схематических чертежах. Т.Е. Евсевьев писал: «Кроме избы курной и шалаша кудо у черемис с древних времен существует баня. Черемисы в банях мылись прежде всего в четверг вечером накануне пятницы, потому что в пятницу у черемис никто не работал [...]. Нынешние бани устраиваются четырехскатными крышами, а в старину устраивались двускатными крышами. Крышей ... служит солома. У многих бань есть прихожее. Прихожее с трех сторон [окружает – В.К.] стена,

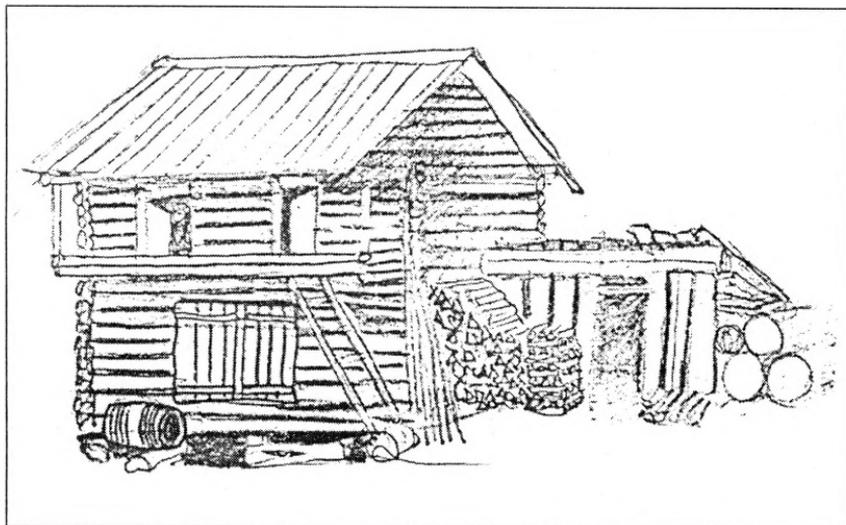
Баня, д. Азъял Моркинского р-на : 1 – поперечный разрез, 2 – продольный разрез, 3 – план (SUSA. 1. 33 (X): 62)

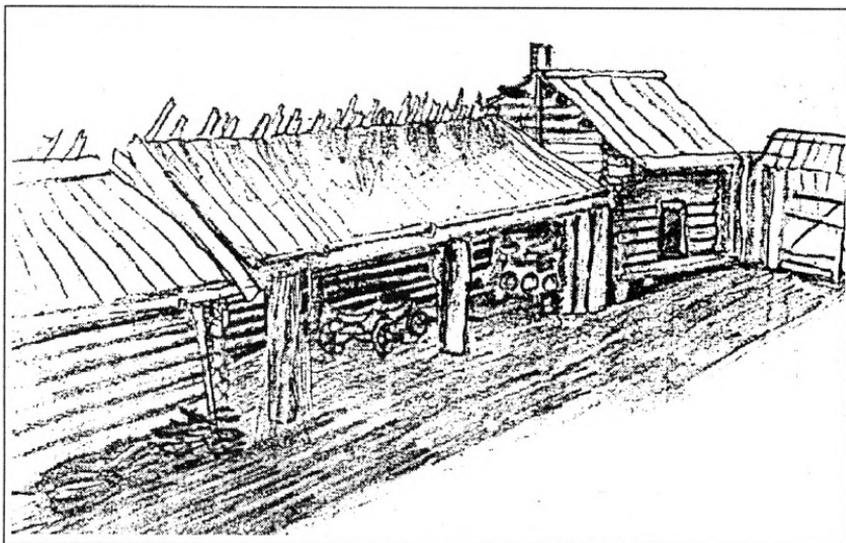
Баня, д. Азял Моркинского р-на : 1 – поперечный разрез, 2 – продольный разрез, 3 – план (SUSA. 1. 33 (X): 61–62)

а с одной стороны бывает покрыта досками... Во всех банях встречается потолок, материалом которого служат полукруглые бревна. Для того, чтобы придерживались потолочные доски, поперек бани [располагается – В.К.] нетолстое бревно, которое служит маткой. На него вдоль [продольных стен – В.К.] бани помещаются полукруглые потолочные бревна, которые насыпаны землею [...] для поддерживания тепла» [Архив финно-угорского общества. SUSA. 1. 25: 285–288].

Расположение бани в прошлом не было включено в число дворовых построек, зачастую она находилась за пределами двора. В настоящее время баня входит в состав дворовых построек и располагается на противоположной от жилища стороне, иногда выносится за пределы двора в огород, может находиться в задней части двора. Баня при двухрядной планировке часто выносится в огород, размещается недалеко от двора. Т.Е. Евсевьев зафиксировал то, что «... бани ... устраиваются всегда около реки, вообще около воды [...]. Если

Амбар. Рис. Л. Мстиславского
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289. Темр.3. Л.2)

Каретник. Рис. Л. Мстиславского
(НРФ МарНИИ. Оп.1. Д.289. Темр.3. Л.1)

деревня безводная, то бани строятся на огороде или ... на заднем плане... Фундаментом служат первые ряды. Углы вырубаются такие же, как углы изб и прочее... Встречаются и такие бани, у которых крыша и потолок одно и то же. Печка ... устраивается всегда в углу у дверной стены отверстием к противоположной боковой стене... Устроенная из камней печка [представляет – В.К.] самую старинную форму. Камни дают после нагревания хороший пар. Та половина бани, где кладется печь, половыми досками не настиляется, а бывает чистая земля... Вдоль стены и поперек устраиваются жерди для вешания белья. Для этой же цели жерди устраиваются и в прихожей. Если не жерди, то для вешания белья приделываются вешалки. Для воды в бане имеется корыто и кадка..., баней пользуются при сушке конопля» [Архив финно-угорского общества. SUSA. 1. 25: 27–29]. В связи с началом исчезновения в конце XIX – начале XX века традиционных построек овина (*шшш*) и *кудо* их функциональному назначению во многом стала служить баня. В ней сушили снопы, волокна, варили домашнее пиво.

Другой комплекс построек, органично вошедший в ансамбль сельской усадьбы, составляют помещения для скота – хлева (*е́йта*), в прошлом конюшни, количество и размеры которых определялись благосостоянием хозяев. У зажиточных хозяев хлева были разделены на отдельные помещения для каждого вида скотины, имелись большие конюшни. Они объединялись под одной крышей, которые были соединены навесами и сараями. В таких хозяйствах имелись и теплые хлева, где зимовали коровы, телята. Доступ в огород, который размещался в задней части усадьбы, устраивался через калитку в заборе или ворота в задней стене сарая.

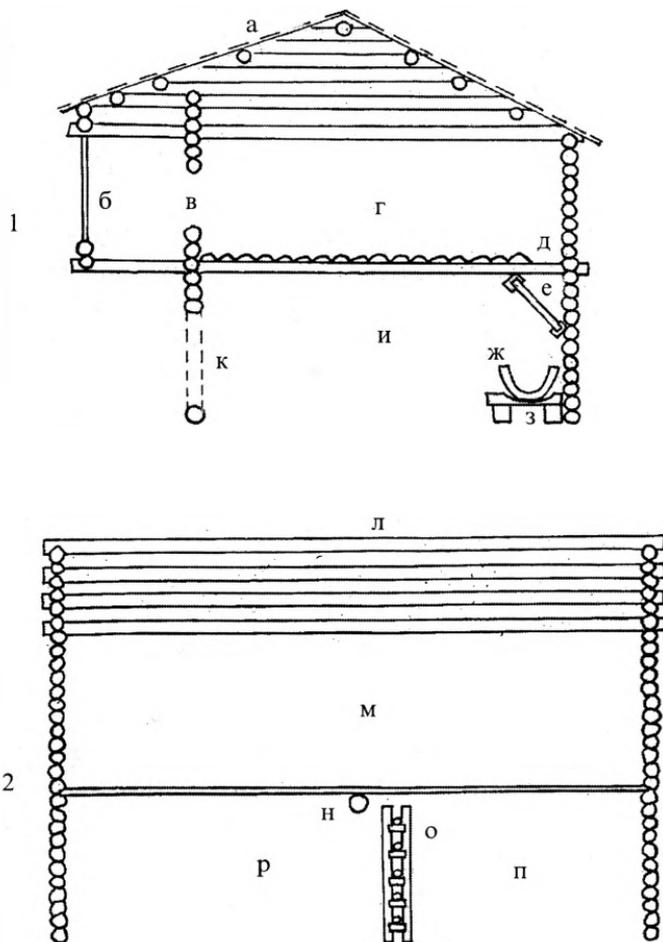
Описание, план-чертеж и конструктивные элементы хлева начала XX века сохранились в материалах Т.Е. Евсевьева. Этнограф отмечал: «Простая конструкция из вертикально поставленных столбов и поперечных жердей делит хлев на две части: одна – для лошади, вторая – для коров. Ясли для сена и корыто устраивались на задней стене» [Архив финно-угорского общества. SUSA.1.34: 31–32]. На чертеже показаны продольный и поперечный разрезы хлева. При его сооружении, со слов информаторов, строители высказывали свое

пожелание, чтоб хлев был теплым и уютным [Инф. И.С. Семенов, 1929 г.р., д. Янтемирово Параньгинского района]. Такие постройки, как сарай или навес, объединяли целый ряд хлевов, которые у состоятельных владельцев были отдельными для разных видов скота. К ним же примыкали также и теплые хлева. В плане усадьбы С.Г. Казанцева из д. Мустаево Сернурского района показано расположение подобных животноводческих построек начала XX века.

Животноводческие помещения преимущественно строятся из бревен в виде сруба, нижний венец которого лежит непосредственно на земле или опирается по углам на камни или на столбчатые кирпичные фундаменты. Сруб воздвигается разной высоты: от 15 до 20 венцов. Хлева в основном утепляются, в этом случае пазы венцов конопатятся. Животноводческие помещения обычно строятся с чердаком-сеновалом, который служит местом хранения грубых кормов. Крыша хлева делается двускатная с наклонными стропилами. Кровля выполняется в основном из теса, иногда из асбестоцементных листов. Полы в хлевах могут быть различными. Так, в хлевах для крупного рогатого скота полы делаются и земляные, и дощатые. В помещениях для свиней преобладают дощатые полы, в птичниках – земляные. Так как в большинстве случаев животноводческие помещения располагаются на задней стороне двора, за которой следует приусадебный участок, то в задней стене хлева часто прорубается небольшое отверстие-оконце, через которое удаляется навоз на приусадебный участок. На зиму оно плотно закрывается.

В усадьбе марийцев имелись и другие постройки, которые служили в качестве хранилища для продуктов питания и орудий труда. Для хранения орудий земледелия, конской сбруи и упряжки использовались навесы или специальные сараи. Сарай для транспортных средств и сельскохозяйственных орудий также находился в передней части двора, в последнее время используется в качестве дровяников. Сараи бывают как закрытые с навесом, так и открытые.

Для хранения летом скоропортящихся продуктов устраивали погреба-ледники (*нёреп, мўгырел*), которые представляли собой ямы с опущенными в них срубами. Сверху также

Хлев (SUSA. 1. 34 (XI): 31–32)

1 – поперечный разрез:

а) слези, самцы

б) подпорка

в, д) отверстия

г) сеновал

е) ясли

ж) корыто

з) место для корыта

и) хлев

к) дверь

2 – продольный разрез:

л) слези

м) сеновал

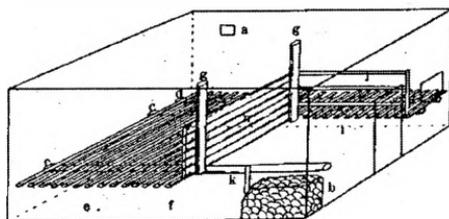
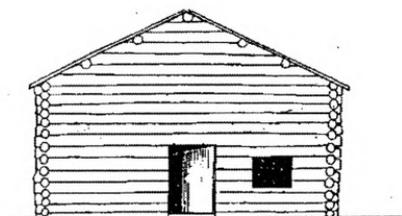
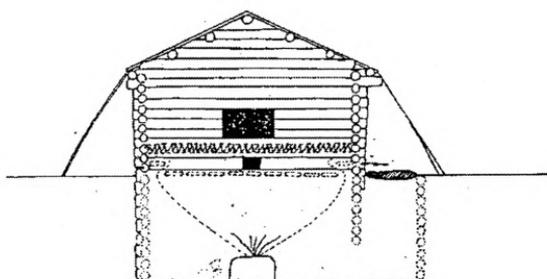
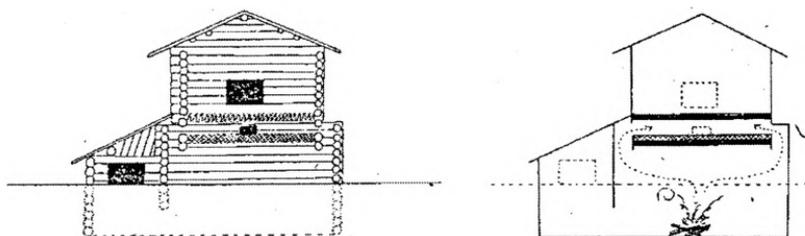
н) потолок

о) перегородка

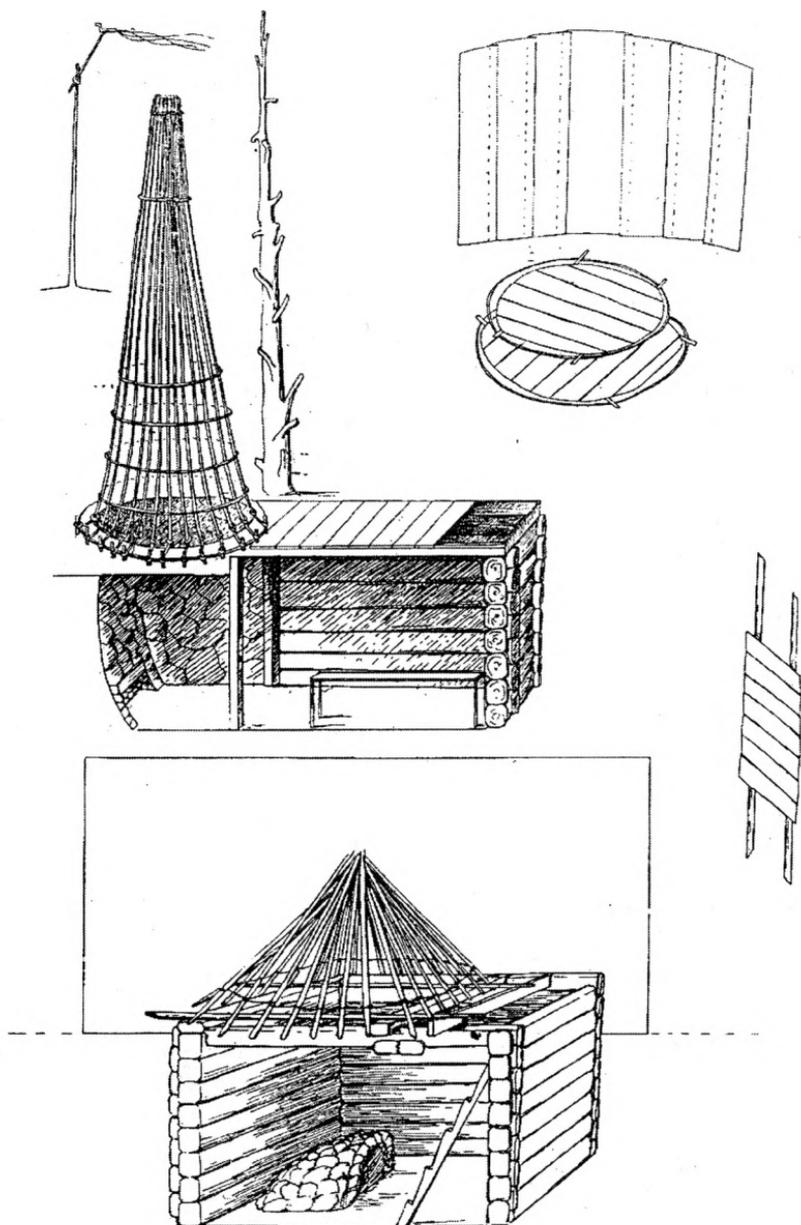
п, р) хлева

ставили напогребицу (*нөрөпвал, нөрөпумбал*). Конструктивно – это небольшой сруб с одно-, реже двускатной крышей, а в прошлом – жердяной остов с конической крышей на соломе – выглядел как старинный овин. В таких же погребах, но только без снега и льда, хранили овощи, в частности, капусту, морковь. В хозяйстве А.П. Петровой (1919 г.р.) в д. Чевернур Советского района зафиксирован погреб для хранения капусты, который представляет яму кубической формы размером 2 x 2 x 2 м с вертикально поставленными бревнами-столбами. Сверху находится бревенчатое перекрытие с люком, над которым установлен навес высотой до 1,5 м с дверью. В других районах зафиксированы погреба с кирпичными стенами (дд. Кумыжъял, Испаринск Моркинского района), со срубной конструкцией (с. Микряково Горномарийского района).

Традиционной постройкой, органично вошедшей в ансамбль крестьянских построек, является небольшое коническое сооружение из тонких жердей – овин, или сушилка для снопов (*марла агун, шиш*). В нижней части располагалась глинобитная или кирпичная печь, где разжигался огонь. Над ней возвышалась конусообразная по форме конструкция из жердей, на которые рядами укладывали снопы до самого верха. При сухих колосьях снопы насаживали плотно, а при сырых – реже и просушивали в течение 14–16 часов. Некоторые исследователи заметили, что подобная постройка имела и другое важное назначение, изначально служила в качестве жилища [Смирнов 1889: 70]. У эстонцев подобный тип сооружений использовался в качестве летней кухни. В настоящее время эта традиционная конструкция находит применение как навес над колонкой с водой в хуторах Финляндии, служит навесом над колодцем и используется в качестве других хозяйственно-бытовых укрытий в Эстонии. Марийцы ставили такую коническую конструкцию зимой в качестве навеса над родником или специально над колодами для полоскания белья на том же или другом роднике [Инф. Г.А. Сепеев]. И.Н. Смирнов отмечал, что у марийцев эта постройка конической формы из тонких жердей представляет собой точную копию западно-финской «коты» [Смирнов 1889: 70].

Рушла агун – русский овин (Wichmann 1913: Tafel XX)

Марла агун – марийский овин (Wichmann 1913: Tafel XIX)

Юлия Вихманн, изучив в 1905–1906 гг. зерносушилки, описала овин проживающих на реке Юнге марийцев. Она писала: «*marla an* – марийские сушилки – такая зерносушилка представляла... вымощенную яму с очагом и выстроенную над всем этим пирамиду из деревянных жердей... такая сушилка не имела ни одного даже самого маленького помещения, ни входа, а входили и выходили между жердями, откуда выходил дым. Известная и обычная сегодня сушилка называется *tatarla-an* – татарская зерносушилка. Под землей находится маленькое помещение с тремя стенами из балок и крышей... С одного края в земле находится четырехугольное отверстие, через которое по задней стене из балок можно спуститься вниз. Маленькое помещение ведет в другое вымощенное узкое помещение, имеющее сверху круглое отверстие – *tepena*. Задняя стенка наклонена внутрь и на этом месте, на этой стороне, напротив спуска в углублении под плоским камнем, разводится огонь *tepenagamaka*; дым выходит через круглое отверстие и пирамиду... Такая зерносушилка воздвигается на специально огороженном месте с растущими неподалеку деревьями. Следует также позаботиться о том, чтобы ветер не выдувал теплый воздух из пирамиды. Прежде всего нужно принять во внимание, откуда обычно дуют ветры. Это показывает *jolo*. Это кусочек дерева, находящийся сверху на палке, легко приходящий в движение и изображающий птицу, хвост которой образован полосками липового лыка. Эту палочку привязывают то к *sapgsar* – жерди, то к специально вбиваемой для этой цели жерди. Часто *jolo* укрепляют без палочки на конце вбитой в землю жерди. Ветер захватывает с собой хвост в том направлении, в каком он дует, подвижное *jolo* тем самым вращается, поворачивается туда, куда направляет хвост и... всегда направлено против ветра, в то время как хвост всегда указывает направление ветра. На той стороне, откуда дует ветер, к пирамиде приставляется ширма от ветра [...] полукругом; она также привязывается к *sapgsar*, название ширмы *an-ger*» [ИРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 594. Л. 115–116].

Ю. Вихманн также оставила описание другого типа зерносушилки, который она назвала царевококшайским. Этот тип

состоял из 4 углубленных в землю стен балочной конструкции. На уровне земли располагалось четырехугольное отверстие с воздвигнутой над нею из жердей конусообразной постройкой. На противоположной стороне крыши было сделано отверстие, по которому спускались вниз, оно закрывалось дощатой дверью. Между этими отверстиями были расположены плоские балки, на которых лежал слой земли. В подземном помещении под большим отверстием находилась сложенная из кирпичей небольшая печь. Дым и тепло проникали через большое отверстие в конусообразную постройку, составленную из 26 деревянных жердей. Жерди за пределами балок четырехугольного отверстия были врыты в землю, по нижней части конуса вокруг жердей вместо обруча протянута веревка. На большое отверстие в направлении длины помещения были проложены две планки, а поперек них – доски, имевшие такое же назначение, как и козьмодемьянская сушилка: задерживать искры и регулировать отток теплого воздуха. Далее она отмечала: «Над этой сушилкой строится защитная крыша из соломы. Четыре косяка крыши с трех сторон неплотно соединены досками и жердями, но когда зерно сохнет, эта конструкция с трех сторон хорошо покрывается соломой, таким образом солома хорошо защищает сушилку с трех сторон от ветра. Во время топки печи кто-либо находится внизу в помещении и следит за огнем и за тем, чтобы сушилка не загорелась. Партия снопов высыхает за два часа. Эта сушилка носит название *marla agun* – марийский овин» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 594. С. 117].

Яранская зерносушилка, по мнению Ю. Вихманн, «...представляет собой специально построенный небольшой дом с тремя помещениями. Здесь наполовину под землей сооружено помещение (*ап-тппет, вынем*) длиной 3,23 м, шириной тоже 3,23 м и высотой 2,4 м. Справа рядом расположено маленькое помещение такой же длины, но только шириной 1,36 м, наружная продольная стена этого помещения ниже, чем внутренняя и поэтому крыша над ним покатая. В маленькое помещение можно попасть через узенькую продолговатую четырехугольную дверь и без лестницы спуститься вниз; это – *izi an*» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 594. С. 118].

О другом типе сооружений для сушки снопов писал коллежский советник С.Г. Григорович в своем «представлении» о культуре земледелия русских, марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов в первой половине XIX века: «Вымолачивается хлеб посредством овинов, который составляет деревянный четырехугольный сруб, крытый соломой. В него насаживаются снопы [...] числом от 400 до 600. От жжения в врытой под полом одного ямой дров просушивается. Сколь скоро оной довольно просохнет, тогда принимаются молотить, вытаскивая снопы на ток..., где кладутся снопы поперек тока в 2 ряда колосьями вместе. И укладши сим порядком, бьют мужчины и женщины молотилками... Людей для обмолочения одного овина требуется 6 человек. А у чуваш и черемис вместо овинов употребляют *шиш*, который образует конус из поставленных на землю жердей, сверху связанных. Сии жерди обкладываются снопами. А внутри жгут дрова» [История Марийского края в документах и материалах 1992: 475].

В описании усадьбы Ф.А. Ивановой в д. Н. Мосары Мари-Турекского района овин представлен следующим образом: «Овин расположен на усадьбе во второй удаленной от дома половине. Представляет из себя две разные части: 1) собственно овин; 2) навес перед ним. Навес на толстых врытых в землю столбах (по 3 с каждой – правой и левой стены и 2 в задней стене). Между столбами плотно вогнаны бревна по 13 штук в ряд. В задней противоположной... стене эти бревна сходятся углом. Угол образуется рубленными в угол, но неплотно пригнанными одно к другому бревнами. Между столбами в этой стене широкий пролет. На столбы положены толстые бревенчатые лемехи и в них упираются стропила, которых 3 пары. На стропила положены продольные балки крыши. Они имеют в себе вырубленные углубления, которыми укрепляются на стропила. Эти бревна... отдельно на каждый пролет крыши между стропилами, где их по 4 с каждой стороны и одно по коньку» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Тетр. 3. Л. 8].

Марийский овин, как и у других народов Поволжья, представлял яму с топкой, сделанной из камней. Над ней сооружалось конусообразное покрытие из жердей. Сбоку к топке опус-

кались по лестнице, а с противоположной стороны вкапывали ствол дерева с сучьями для того, чтобы залезть и разложить снопы на жерди. Обычно над овином был навес. Такая сушилка для снопов называлась марийский овин (*марла агун*). Срубный русский овин (*рушла агун*) появился со второй половины XIX века.

Высушенный в овинах зерновой урожай перерабатывался в муку на водяных и ветряных мельницах *вакш*. Для этих целей служили простейшие водяные мельницы, так называемые «меленки», «меленки-мутовки», «меленки-колотовки», и более производительные колесные мельницы в 1–3 постава «подошвенные». «В первой половине XVIII в. марийские крестьяне помол зерна производили в основном в своих маленьких меленках, густо разбросанных повсеместно по речкам и речушкам, протекавшим по их земельным угодьям, – отмечает А.Г. Иванов. – По ... подсчетам данных оброчной переписи 1704 г., марийские крестьяне Алатской дороги Казанского уезда владели 244 меленками, Галицкой дороги того же уезда – 77. В Козьмодемьянском уезде соответственно марийцам принадлежали 222 меленки, Уржумском – 140, Царевосанчурском – 81. Несколько десятков марийских меленок располагалось в Царевококшайском и Яранском уездах. Около одного десятка было в марийских волостях Кокшайского уезда... Однако переписи 1721 и 1741–1743 гг. обнаружили резкое уменьшение количества марийских меленок, что во многом объяснялось усилением податного гнета, обнищанием, массовыми побегам и смертью их владельцев» [Иванов 1995: 143]. На местах марийских меленок русские посадские люди, ямщики, стрельцы и другие стали строить более производительные колесные водяные мукомольные мельницы, строительные традиции которых впоследствии освоили марийцы.

«К постройкам марийцев относятся также мукомольные или для обдирки овса и ячменя мельницы, – писал В.М. Мамаев. – Они были не в каждой деревне. В этих местах строили мельницы как ветряные, так и с использованием тягловой силы лошадей. Только состоятельные люди строили мельницы. С.Г. Казанцев из д. Мустаево вдвоем с И.Н. Иште-

Ветряная мельница, с.Елеево Параньгинского р-на. 1956 г.
Фото В. Заболотских

биновым из д. Б. Шоркинер имели шестилопастную ветряную мельницу, которую использовали по неделе поочередно. В Аблан починга (Абленки) были две ветряные мельницы, одна из них – шестилопастная – принадлежала А.У. Казанцеву, другая – четырехлопастная – Н.Т. Казанцеву. В д. Товарнур шестилопастную мельницу имел Т.С. Краснов. Были мельницы с двумя лопастями, работающими на тягловой силе лошадей: у З.Т. Кошкина в д. Б. Шоркинер, у М.И. Паймакова в починке Шым Памаш, у И.М. Шабалина в русской деревне Парсай. Там была и мельница для обдирки овса, ржи, гречихи и обмолота в муку крупного помола» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 116. Л. 29].

В современной практике используются единичные мельницы, например, водяная (*вудвакш*) в д. Желонкино Сернурского и ветряная мельница (*мардежвакш*) в д. Б. Царанур Куженерского районов. В марийских селениях по соседству с русскими бытовали также ветряные (шатровые) мельницы, преимущественно однопоставные, а крупорушки или ручные мельницы существовали для размола круп [Андреев 1981: 70]. Внешний вид водяных мельниц был лишен

Дом. Фото К. Козловой (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1956)

Марийские ворота (марла капка)

Кудо

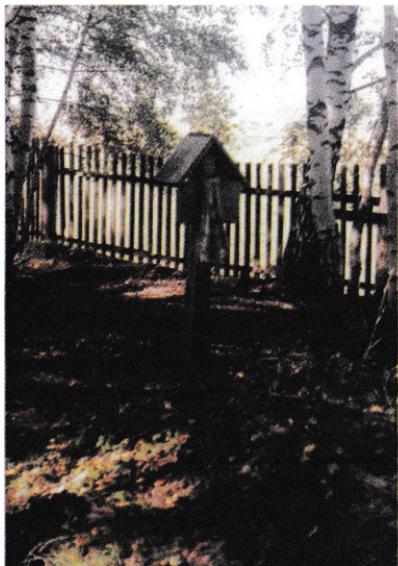
Русские ворота

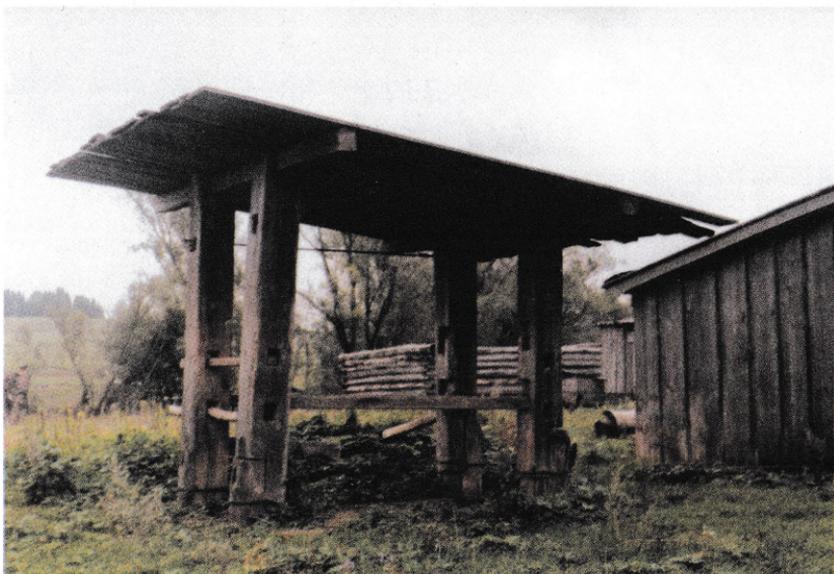
Амбар

Амбар (фрагмент)

Надмогильные памятники

Станок для ковки лошадей

Навес

Кудо

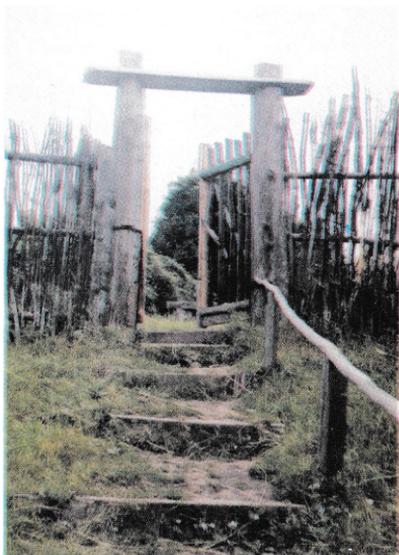
Погреб

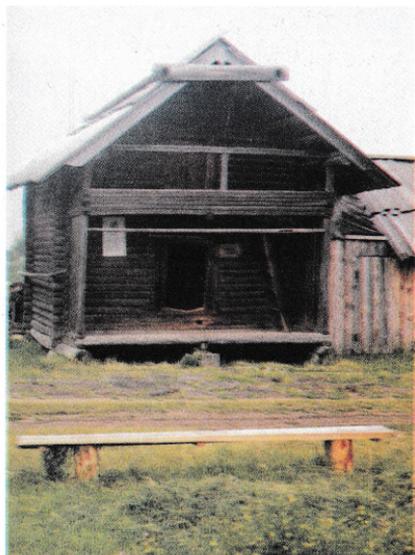
Кудо

Зимний пейзаж

Калитка

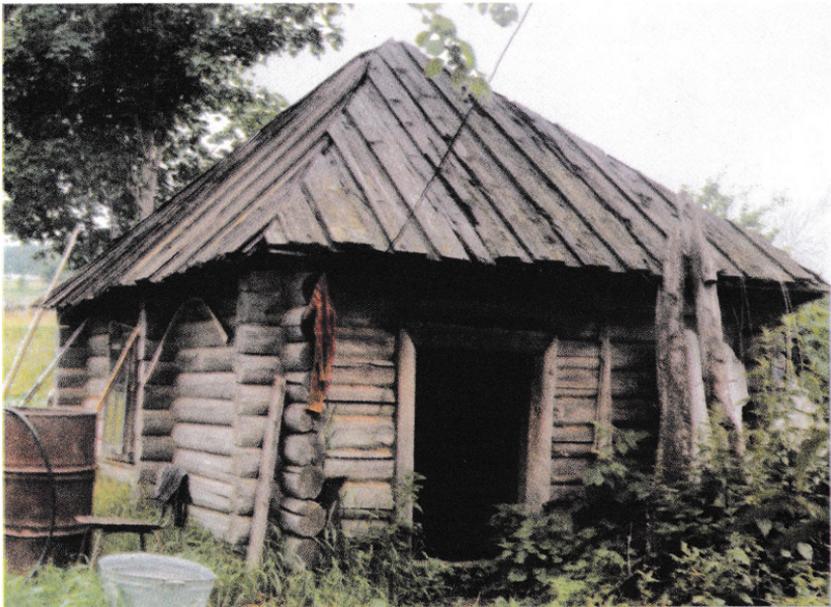
Амбар

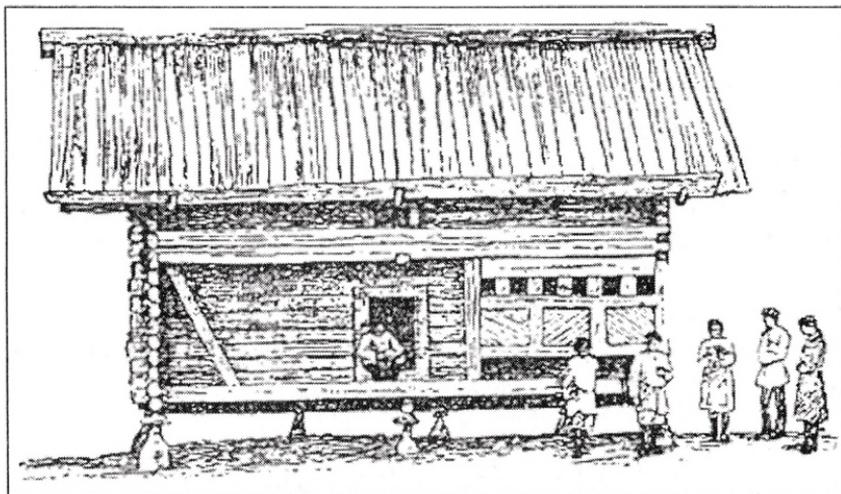
Качели

Овин

Баня

Амбар (по А.О. Хейкелю)

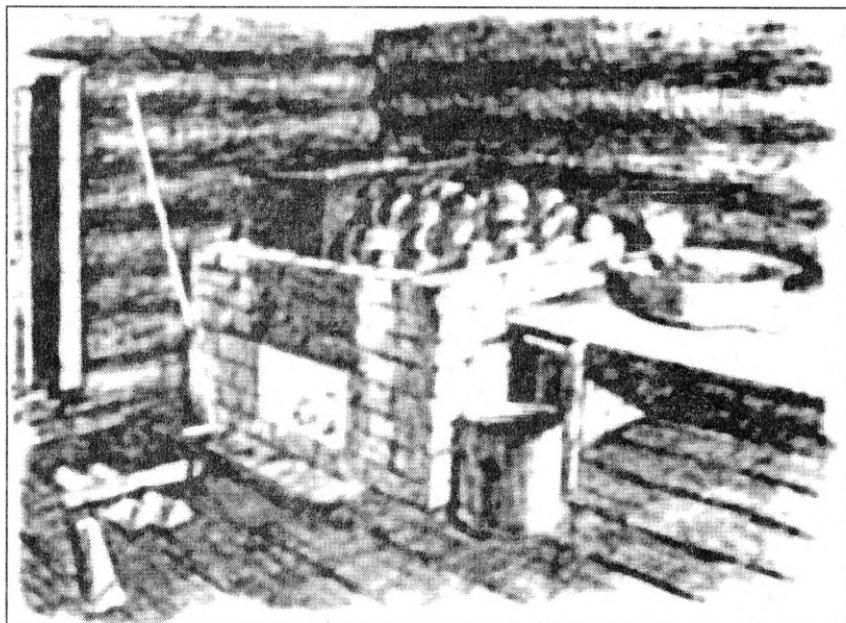
декоративных конструкций. Ветряные мельницы, напротив, имели живописный силуэт и создавали своеобразную пластическую доминанту сельского пейзажа.

Наряду с ветряными и водяными мельницами в живописную панораму марийских деревень органично входили сельские кузницы (*апшаткудо*).

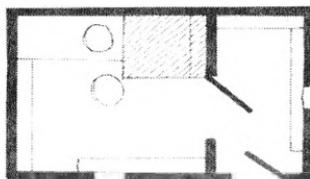
Бортничество (с XVII века) и колодное пчеловодство (с конца XVIII – начала XIX века) были преобладающими промыслами в традиционной культуре марийцев. Во второй половине XIX века появляются рамные ульи (*яшлык омарта*), чьи владельцы для зимовки пчел строили помещения – омшаники (*мўкш пўрт, омшаньык*) [Сепеев, Андреев 1979: 106, 112, 115–116, 119]. Переходной формой от бортничества к колодному, пасечному пчеловодству являлось содержание в лесу изготовленных из разных пород деревьев ульев-дуплянок, прикрепленных к дереву. Права на владение бортевыми деревьями хозяева отмечали своими знаками собственности – «тамга». «Бортные ухозя» являлись естественной пасекой, а сами природные условия края способствовали развитию пчеловодства. Конструкция колодных ульев представляет ту же борт, но спиленную и перенесенную на приусадебный участок.

На состав хозяйственных построек, их количество и размер влияют многие социально-экономические условия. Значительное воздействие на них оказала коллективизация сельского хозяйства в конце 1930-х годов. Некоторые постройки хозяйственного назначения сильно уменьшились в размерах, другие – исчезли. Первое касается, например, хлебов, когда отпала необходимость возводить крупные сооружения в связи с передачей частного скота коллективным хозяйствам. Не строятся конюшни, амбары, овины и гумна. Это объясняется также механизацией процессов обработки зерновых культур. К сожалению, исторически сложившиеся

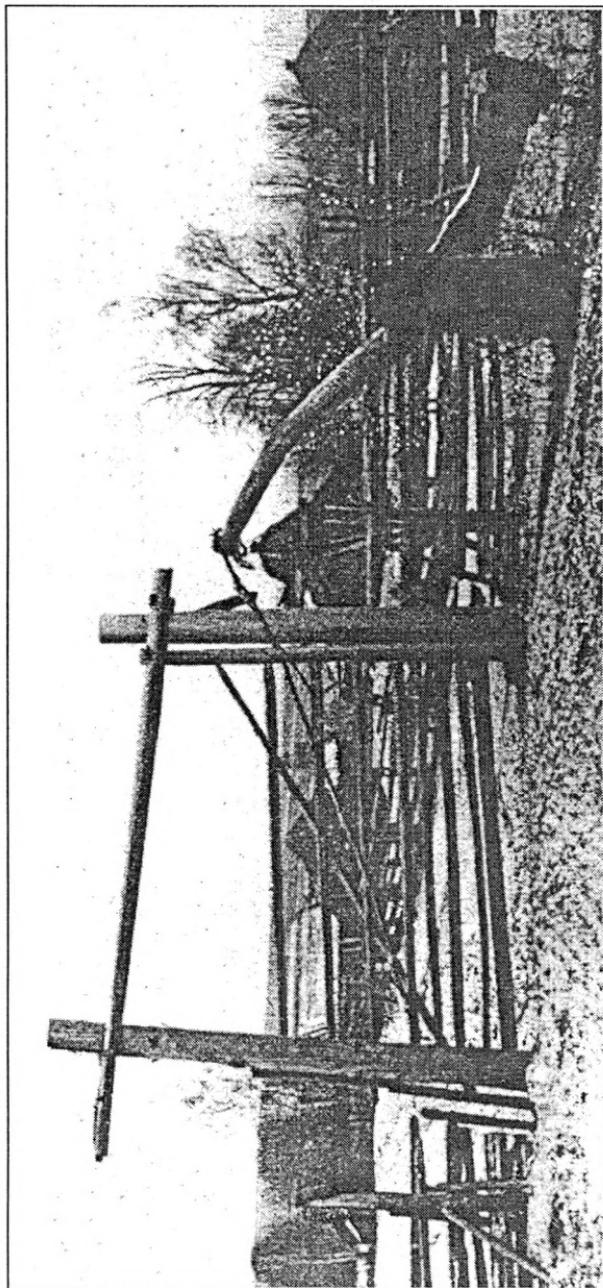
1

2

Баня по-черному, д. Нуктуж
Звениговского р-на:
1 – интерьер, 2 – план
(Никонова Л.И., Кандрина И.А.
2003: Приложение 1)

Марла капка – марийские ворота (Огонек. 1914. № 19. С. 3)

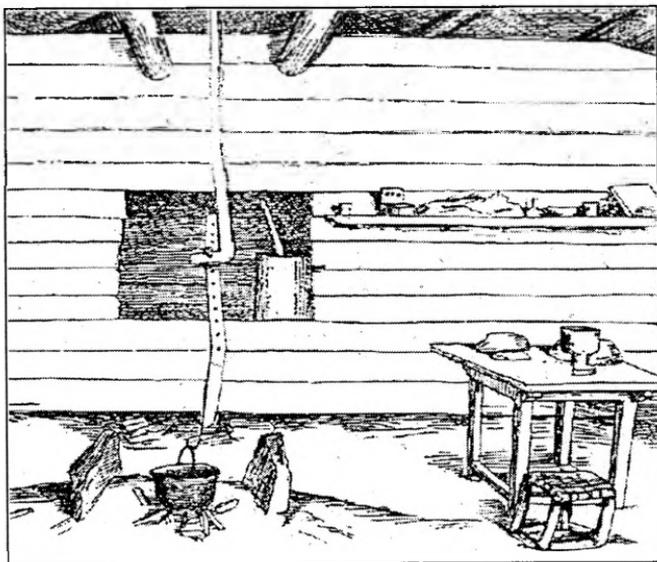
традиции исчезают, основные конструктивные, планировочные приемы зодчества, имевшие свои характерные особенности, зачастую в современной планировке двора нарушаются и мало используются в сельской строительной практике.

В ансамбле марийской усадьбы прослеживались определенные традиции функционального деления: двор, огород, гумно, размещение таких построек, как клеть, амбар, погреб, предусматривалось в передней части двора, а построек для скота – в задней. Несмотря на своеобразие каждой отдельной постройки и их различие, в целом они составляли единый ансамбль, который органично сочетался с окружающим ландшафтом. Планировка усадеб оказывала влияние на развитие некоторых типов построек, характерных для народного зодчества: двухэтажный амбар-клеть, *кудо*, покрытие крыш конической формы, ворота и ограждения. Они отличались простотой оформления и соразмерностью пропорций, четкими формами, сдержанной орнаментацией.

ГЛАВА III

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА КАК ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*КУДО, АНСАМБЛЬ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ,
НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ*

Изначально культовым сооружением у марийцев считалось кудо.

Термин *кудо* в марийском языке имеет несколько значений: 1) дом, изба, крестьянский дом; 2) усадьба, хозяйство, крестьянский двор; 3) летняя кухня в виде легкой бревенчатой постройки без пола, потолка и окна; 4) принадлежности для жертвоприношения на языческих молениях у мари; место жертвоприношения в священной роще. Например: *Под, тул лукмо ўзгар, улеч, сорта, шовыч – чыла тидым ожно кудо маныныт* – Котел, приспособления для добывания огня, палка для размешивания еды, свеча, полотенца – все это в старину называли кудо; *Кудо – юмылан пуымо вер* – Кудо – это место жертвоприношения [Словарь марийского языка 1994: 92].

В архитектурно-планировочных традициях марийское название *кудо* близко удмуртскому *куала* и обозначает небольшое четырехстенное бревенчатое строение из тонких бревен. Не имеет ни пола, ни потолка, ни окон. Свет проникает через отверстие в крыше, оставленное для выхода дыма. Вход в помещение осуществляется через небольшую дверь, в центре интерьера – открытый очаг.

Широкое распространение подобных построек в лесном Поволжье, как отмечает исследователь этнической истории народов Поволжья К.И. Козлова, происходило еще в начале II тыс. н.э. у финноязычных народов, их конструкция на протяжении тысячелетия почти не изменялась, незначительно трансформировалось только назначение [Козлова 1964: 52]. И поэтому можно считать, что они сохранили наиболее архаичные и устойчивые формы и конструкции.

На обрядовый характер дворовой постройки *кудо* указал финский исследователь Уно Холмберг. Он отмечал, что эта хижина была местом поклонения духам семьи *кудоводыж*; что

подтверждает снабженная крышкой круглая или четырехугольная закоптелая коробка из лубка или бересты в заднем углу *кудо*, к которой «...мариец, как и вотяк, приближается только с благоговейным страхом; без сомнения, прежде в ней находились изображения божеств... Чтобы предохранить священную заднюю часть *кудо* от всякого вредного прикосновения, в некоторых местностях обычно ее отделяют второй стеной... такую обособленную часть... называли «малая хижина» (*изи кудо*). Иногда отделяют дощатой стеной только один из задних углов. В малую хижину, сообщающуюся с большой при помощи маленькой двери, входят только взрослые мужчины, но и они не входят туда без особой надобности» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–3].

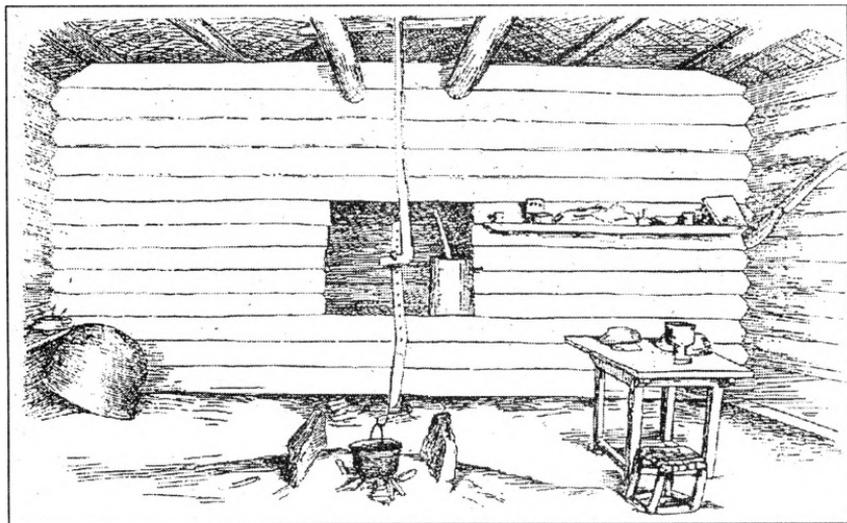
Т.А. Крюкова выделила другое обрядовое назначение *изи кудо*, заключавшееся в использовании его для семейных жертвоприношений [Крюкова 1956: 115]. Таким же образом использовалась и *куала* у удмуртов.

Обряды и обычаи марийцев, связанные со строительством, обусловлены представлениями о том, что в каждой постройке обитает свой дух-хозяин; они соблюдались при выборе места. Известно, что когда укладывали первое бревно в основание постройки *кудо*, просили духа *кудо-водыж* о даровании успеха, а при жертвоприношении духу дома молились о защите его жителей и всей постройки [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 94. Л. 10]. В работе «Основные черты быта марийцев» этнограф Т.Е. Евсевьев отметил, что «*изи кудо*... служило священным местом, где вешали ... по разным суеверным убеждениям разным духам разные посулы. Обещанные посулы здесь хранили до исполнения клятвы богам-духам» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 80. Л. 79–80].

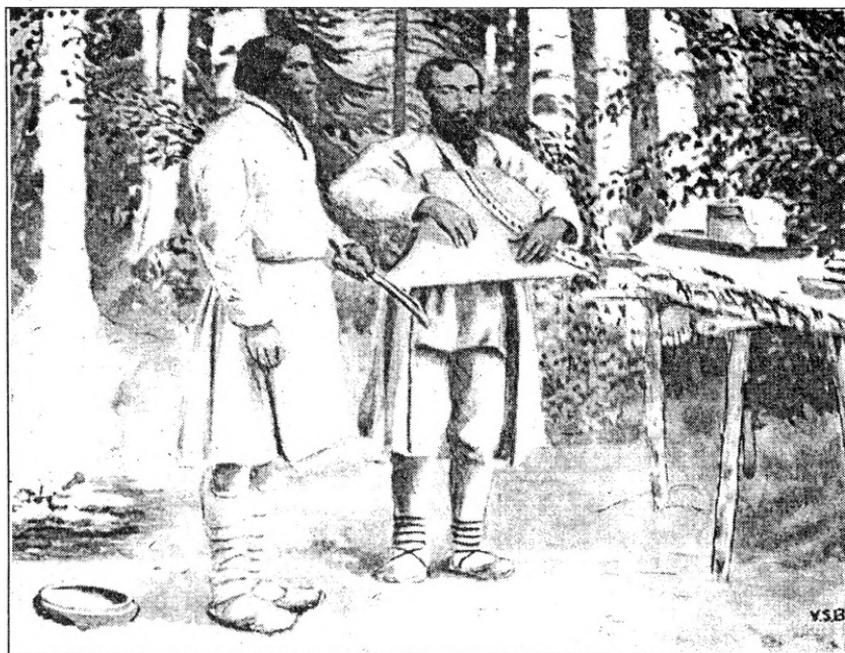
Кудо в настоящее время используется в качестве летней кухни в нескольких районах Республики Марий Эл. В Горномарийском районе, например, зафиксированы небольшие функциональные изменения в устройстве крыши и внутреннего убранства. Над дымовым отверстием на крыше в одном случае используется арочное перекрытие для защиты помещения от попадания влаги, во втором – для этих же целей используется подвижная прямоугольная крышка, регули-

руемая длинным деревянным шестом изнутри. Существенно преобразился и интерьер: роль очага выполняет кирпичная печь, которая используется для приготовления пищи и для других хозяйственно-бытовых целей. Архитектурно-конструктивные формы *кудо* могут быть модернизированы и переосмыслены в современной строительной практике.

Главное место в интерьере *кудо* занимает очаг, обладавший большой сакральной значимостью. Дым из него был как бы связующей нитью с божествами, поэтому люди чувствовали себя в безопасности и ощущали максимум благорасположения, даруемые очагом и печью [Владыкин 1994: 218]. Очаг и деревянная жердь-крюк (*энгыжа*), к которой подвешивали котел, вызывает ассоциации единства, неразделимости пластического объема с мировым деревом, отсюда устанавливалась кратчайшая связь между небом, землей и человеком, в этой сфере пространства выражается максимум сакральности [Климов 1999: 76; Калиев 2003]. Воплощая собой Вселенную, эта сакральная постройка имеет космогоническое значение: крыша символизировала небесный купол, пол – Землю, четыре стены – стороны света [Элиаде 2000: 49].

Интерьер *кудо*. Рисунок А. Рейнхольма. 1880-е гг. (SUKA 21: 117)

Карт и гусяр в священной роще. Акварель В. Золдан-Брофелдт
(Holmberg 1927: Plate XXXV)

Из всего многообразия молитвенных мест удмуртов, например, В.Е. Владыкин выделяет два наиболее значимые святилища. Это *куала* и *Луд*. Он пишет: «*Куала* (точнее *куа, -ла* – суффикс местного падежа) – это особая ритуальная постройка, которая была известна, очевидно, многим финно-угорским народам («*кудо*» – у марийцев, «*кудо*», «*куд*» – у мордвы, «*kota*» – у финнов, «*koda*» – у эстонцев, карел, вепсов, води, «*кам*», «*хот*» – хантов, «*haz*» – у венгров)... У удмуртов было два основных типа *куа/лы*: *покчи* (малая) и *быдзым* (великая или родовая) *куа/ла*. Малая *куа/ла* служила для отдельной семьи и была неперменной принадлежностью почти каждой удмуртской усадьбы, а родовая *куа/ла* объединяла представителей одного *воршуда* (рода), – сколько было воршудов в деревне, столько строили и *быдзым куа*. Обычно они стояли во дворе жреца или в лесу за околицей. По внешнему виду *покчи* и *быдзым куа* почти не отличались

(только размерами): это бревенчатое срубное сооружение с двускатной крышей на самцах» [Владыкин 1994: 108–109]. Сходство марийских построек *кудо* и удмуртских *куа/ла* проявилось во многом: это и наличие низкой двери для входа в помещение с земляным полом, и расположение очага посередине интерьера, и размещение вдоль стен лавок, в переднем углу – стола и стула, устройство особой полки для хранения ритуальной посуды. Определенное сходство обнаруживается в перекрытии: скаты неплотно прилегают друг к другу, а дым выходит через щель между ними.

И.Н. Смирнов отметил, что вовнутрь *кудо* ведет обращенная на юг маленькая дверь с деревянным замком, и оставил такое описание: «На черемисском дворе есть постройка, которая представляет срубленный из тонких бревен и покрытый дранцами шалаш – *кудо*... При входе в *кудо* прежде всего бросаются в глаза земляной пол, закопченные дымом стены и толстые почерневшие лавки вдоль стен. Эти лавки в старых ... *кудо* переносят наблюдателя в ту пору истории черемисского строительного искусства, когда была еще неизвестна пила и доска нужной толщины вырубалась топором из цельного дерева. В углу против входа стоит обыкновенно стол, на котором всегда можно найти большую деревянную чашку с положенными на нее караваем хлеба и ножом... Летом, когда хозяева дома, на земляном полу *кудо* всегда горит огонь. На нем готовят пищу, он своим дымом отгоняет назойливых комаров. Над кострищем висит на длинном зубчатом деревянном крюке котел. Крюк задет за палку, которая лежит поперек двух тонких бревен, идущих от входа в *кудо* до противоположной стены на высоте сажени. *Кудо* обыкновенно разделено бревенчатой стеной на два отделения – одно большое, другое маленькое, которое находится позади стола... Это был уголок, который назначался для домашнего духа *кудо-водыж*» [Смирнов 1889: 71].

Эту же мысль подтверждает описание Н.Чебоксарова, который писал: «...*кудо* представляет ... прямоугольный вытянутый сруб, рубленный в угол в 10 венцов и поставленный непосредственно на землю. Крыша тесовая на 10 самцах и трех толстых бревенчатых слегах с каждой стороны, не считая

подконьковой следи. В наружной стене, обращенной во двор, находится дощатая одностворчатая дверь, открывающаяся вовнутрь постройки. Между двумя венцами, ... прямо над дверью на расстоянии 60–70 см друг от друга, врублены толстые продольные бревна, на которые в середине *кудо* положены четыре доски так, что между ними остается четырехгранное отверстие. На эти доски параллельно продольным бревнам положены два небольших бруска, на которых укрепляется приспособление для подвешивания котла, состоящее из горизонтальной поперечной палки с надетым на нее деревянным крючком, в конце которого имеется отверстие для продевания второго деревянного крючка для котла, удерживаемого в своем положении железной палкой, вставляемой в одно из отверстий. У стены, противоположной двери, на некотором от нее расстоянии в продольные стены врублены одно над другим два бревна. В эти бревна по их середине врублено короткое поперечное бревно другим концом, покоящееся в задней стене постройки. На этот перевод настланы параллельно коротким стенам четыре бревна, врубленные своими концами в продольные стены постройки и образующие особый бревенчатый настил у задней стены *кудо*. Вдоль продольных стен проложены широкие, но чрезвычайно низкие лавки из еловых досок» [НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 289. Тетр. 3. Л. 5–6].

Архитектурно-конструктивные приемы постройки отличались оригинальностью решения. Так, например, крыша чаще всего была двускатной. В одних случаях верхний конец одного ската был длиннее второго. Благодаря такой конструкции в помещение попадал естественный свет и освещал интерьер, также защищал от дождя, а дым от очага свободно выходил в щель. Впоследствии в одном из скатов щели стали оставлять четырехугольное отверстие для выхода дыма [Козлова 1964: 52]. Крыша конструктивно располагалась на слегах, покоившихся на уложенных до самого верха бревнах, так называемых «самцах». Особые жерди с корневищем – крюком – удерживали выдолбленный из целого бревна желоб-водосток и само покрытие от сползания. Поскольку вверху между скатами оставалась щель, то применение бревна-охлупня

(*вуйкумыктыш, вуйволак*) с целью придавливания скатов сверху здесь было невозможно. Его успешно заменяла особая торцовая доска или брусок *огниво*. Эта конструктивная деталь скрепляла два бревна (гнеты), расположенные поверх лубяной или дощатой кровли, и прижимала ее к находящимся ниже слегам. Высыхая, *огниво* сжималось, что делало всю крышу монолитной, жесткой конструкцией. Подобный рациональный строительный прием был распространен также в народном зодчестве карел и финнов [Орфинский 1972: 16, 51–52]. Широкое применение самцов, куриц и *огнива* объясняется тем, что они позволяли обходиться при строительстве *кудо* без гвоздей и давали возможность легко заменять подгнившие детали крыши. Подобная конструкция использовалась и при строительстве марийских амбаров.

В центре интерьера *кудо* очаг складывался из камней. С огнем – символом очищения, смерти, рождения – и марийцы, и удмурты связывали представление о богине-матери. Веря в очищающую и оплодотворяющую силу огня, они приносили ему небольшие жертвы. Над очагом на деревянной жерди с зазубринами-крюками или на железной цепи укреплялся котел. Цепь прикреплялась к жерди, лежащей на двух тонких бревнах, включенных в основной сруб. Концы этих бревен на фасаде нередко выходили наружу. В этом случае над входными дверями устраивалось из жердей подобие полки для хранения различной утвари. В интерьере вдоль стен *кудо* располагались широкие низкие скамейки, а в одном из дальних углов – стол и полки. Окон чаще всего не было, но иногда около стола прорубалось волоковое оконце, расположенное асимметрично. В случае, когда *кудо* располагалось на крутом склоне, нижние бревна частично углублялись в землю и несколько выступали на переднем торце. На них накладывались жерди и образовывалось подобие цоколя или порога, служившего также и лавкой.

Оригинальный по форме деревянный замок с деревянным ключом и засовом обычно прикрепляли на двери *кудо* и амбара. Во внутренней части прямоугольной коробки дверного замка находилась целая система двигающихся крючков и колышков. Каждый замок имел свой секрет. Замки делались

из мягких пород деревьев (чаще всего использовалась липа) и оформлялись резными узорами в виде розетки [НРФ МарНИИ. МЭЭ–86. № 109; Крюкова Т.А. 1956; Соловьева Г.И. 1986]. Семантика декоративных резных узоров с изображениями розеток сводилась к оберегающей функции.

Оригинальный тип постройки *кудо* свидетельствует о древности строительных традиций марийцев, об умелом решении конструктивных, функциональных и эстетических задач. *Кудо* было жилищем, местом молений и жертвоприношений, в настоящее время используется в качестве летней кухни и хранилища ритуальных предметов и утвари. Архитектура *кудо-куала*, пространственная организация его интерьера связана с развитием народного жилища и декоративно-прикладного искусства, эстетические идеи соединялись в нем с нравственно-религиозными и этическими, им нет аналога ни в одной культуре Запада и Востока [Климов 1999: 73]. Можно, очевидно, предположить, что архитектура *кудо* не имела локальных различий и традиционно была единой в своей основе для всех этнографических групп марийцев. Эту мысль еще раз подтверждает то, что описанный древний тип сооружения не испытал влияния других этнических культур, оставаясь традиционной постройкой в деревянном зодчестве марийцев. Конструктивные и планировочные традиции *кудо* сохранялись долго и почти не изменялись в течение столетий.

Неотъемлемой частью культовой практики марийцев являются моления в святилищах – священных рощах (*ото, кўсото*). Они и в настоящее время занимают большое место в народной культуре и служат одной из форм этнической идентификации. Священные рощи марийцев являются природно-культовыми памятниками и имеют историческую ценность. На основе народных верований о том, что в священных рощах живут боги, выработана целая система табу. Во многих рощах священное дерево *онапу* особо огораживалось.

Семейные моления проводятся как в помещении сельской избы при участии только членов семьи и родственников, так и в священной роще. У последователей языческой религиозной секты «*Кугу сорта*» семейные моления проходят в

небольших молельных рощах – *тошкем ото*, *кумалме вер* или *куэрла*. Обычно они располагаются за границей усадьбы. Так, например, расположена небольшая роща для семейных молений рода Киндулкиных в д. Тумерсола Медведевского района, где обычно по пятницам проводится отправление культов [Кудрявцев 2000(б): 383]. Эта небольшая по размерам роща посреди распаханного поля имеет округлую форму в диаметре до 20 метров, состоит из берез, лип и молодых елей. Недалеко от нее в овраге протекает родник, оформленный срубом. И роща, и родник как сакральные объекты содержатся в чистоте.

Священные рощи органично вписываются в окружающий природный ландшафт. *Ото*, *кўсото* обычно располагаются возле водных источников, а для предупреждения входа в рощу скота и диких зверей обводятся канавами. В средневековых марийских жертвенниках, по данным археологии, вокруг кострищ сооружались ограды, обязательным атрибутом считалось наличие входных ворот, а исходной формой башнеобразных костров, очевидно, были костры из составленных конусом жердей [Данилов 1989: 131–133]. У удмуртов *Лудь*, *Кереметь* (южные удмурты) или *восяськон чачча* (северные удмурты) обозначали святилище и представляли одну из форм сакрализации естественного природного пространства с постепенной локализацией и концентрацией на почитаемом объекте: лес – роща – дерево [Владыкин 1994: 109–110].

Вход в священную рощу осуществлялся через специальные ворота. Своеобразную конструкцию имели марийские ворота (*марла капка*), они представляли собой вертикально установленные в глубокую яму деревянные столбы, пропитанные смолой. Посередине закреплялось большое массивное полотно с основанием, которое для удобства скольжения обмазывалось дёгтем. Подобная архаичная конструкция известна многим народам, в ней проявились изобретательность и умение использовать сложные архитектурные приемы и функциональные приспособления. Ворота выполняли разграничивающую функцию в естественной организации пространства и воспринимались как символ этого простран-

Подготовка к молению. Фото автора

ственного мира [Владыкин 1994: 108–109]. Древние городища религиозного характера имели трое ворот: с западной, восточной и южной стороны. Восточные ворота считались сакральными, через них вводили жертвенный скот, через западные ходили сами молящиеся, через южные носили воду и дрова [Георги 1799: 37–38; Емичев 1836: 180–186; Егоров 1929: 41; Калиев 2003: 187]. В священной роце марийский жрец (*карт*) читал молитву под звуки музыкального инструмента гусли (*кўсле*). Гусли считались божественным инструментом, исполняемая на них торжественная мелодия звучала во время молитв (*кумалтышмут*), поднимала дух молящихся, укрепляла их силу [Мамаева 1994: 23; Калинина 2002: 129].

И.Н. Смирнов считал, что черемисские *кўсото* не есть природный храм, посвященный какому-нибудь одному божеству, в нем приносятся жертвы всем добрым богам; перед деревом в *кўсото* у марийцев устраивается стол (*шаге*), на него ставится сосуд с медом, чаша с жертвенным мясом, хлеб, ковш, в которые кладутся кусочки мяса, отделяемые для богов;

Жертвенный стол. Фото автора

Луговые марийцы на молениях на жертвенный стол ставят мясо, каравай хлеба или блины, мед, посвящая эту ритуальную еду божествам верхнего мира. Священное дерево обвязывают поясом, пропитанным кровью жертвенного животного, также предназначенного богам. Среднему миру посвящают шкуры жертвенных животных, холст, полотенце, свечи, а нижнему – серебряные монеты, пиво, также кости жертвенных животных, которые закапывают в землю [Владыкин 1994: 67–68; Тойдыбекова 1997: 111]. Все три сферы мироздания таким образом были вознаграждены, а их органичное сочетание давало возможность рассматривать сакральное пространство священной рощи как воплощение мифологической модели мира [Владыкин 1994: 68; Вовина 2002: 46]. В современной культовой практике в священных рощах используется традиционная конструкция жертвенного стола, которая представляет собой вбитые в землю деревянные колья высотой около 1 метра, соединенные поперечными и продольными жердями и покрытые сверху еловыми ветками. В направлении на север от *шаге* находится костер *тулолмо*. На толстых бревнах с развилкой, вкопанных в землю, покоится перекладина с подвешенными на нее котлами. Место костра с двух сторон отгораживается расположенными на земле толстыми длинными бревнами. Рядом обычно вертикально ставится столб для привязывания жертвенных животных. С северной стороны устанавливают скамейки из половых досок. Уно Холмберг, внимательно изучая мифологические представления, религиозные верования и семейно-родовые обряды финно-угорских народов, указал на наличие и других сооружений: «В больших, общих для нескольких деревень рощах можно видеть род постройки, каких обычно не бывает в деревенских рощах; именно здесь часто находится сделанный из тесаных досок сарай, который бывает необходим особенно в дождливое время, так как приносящие жертву во время долгого праздника и даже ночью не могут покидать рощу. Под кровлей есть скамьи и посреди стол. В Кереметь-рощах марийцев теперь нет таких строений, нет также и хижин, соответствующих хижинам Керемети (Луд, куала) у вотяков [Holmberg 1926:12; ИРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 92. Л. 12].

Священная роща на горе Чумбылат (ныне входит в административно-территориальное деление Советского района Кировской области) является древнейшим природным памятником культовой обрядности марийцев. Языческое мольбище Чумбылатов камень представляет высокий утес на реке Немда. Мольбище и сегодня служит местом поклонения и отправления языческих культов. Чумбылат известен как Старик горы *Курык Кугыза или Старейшина Кугурак*, считался покровителем марийцев и их вождем. По мнению верующих, он был не только искусным военачальником, но и талантливым организатором молений. В произведениях устного народного творчества он запечатлен предводителем народного движения, защитником родной земли, традиционной веры, а перед смертью поднялся на гору и замуровал себя под высоким камнем. Надмогильный камень на этой легендарной горе народного покровителя был взорван по указанию царских властей в 1830 году. «Самый камень есть простой известковый утес, – писал посетивший в 1904 году древнюю святыню луговых мари С.К. Кузнецов. – ...В этом ... отлогом месте ... вырублены в скале ступеньки... Ступеньки устроены совершенно правильно и весьма удобны для ходьбы... Самый алтарь, где возжигался главный костер Чумбылату, помещался налево от лестницы, ... представлял собою огромный кубической формы камень. Алтарь этот ... был гладко обтесан и висел над оврагом... Православие ничего не выиграло от уничтожения Чумбылатова камня ...черемисы поклонялись не камню, а обитающему тут божеству» [Кузнецов 1905: 27–28, 30]. На горе Чумбылат первое моление состоялось в 1992 году и через год здесь проводилось крупное общенародное моление с жертвоприношениями. Возобновление паломничества к языческим святыням также стало характерно для современной культовой практики марийцев.

Естественные водные источники – ключи и родники – также являются культовыми местами, которым поклоняются марийцы. Они, как и священные рощи, ухоженны и содержатся в чистоте.

Набор обрядовой посуды. 1997 г. Мастер В. Ермаков

В окрестностях г. Йошкар-Олы, в так называемой Дубовой роще, выделена территория площадью 12 гектаров, где ежегодно проводится весенне-летний праздник *Агавайрем*.

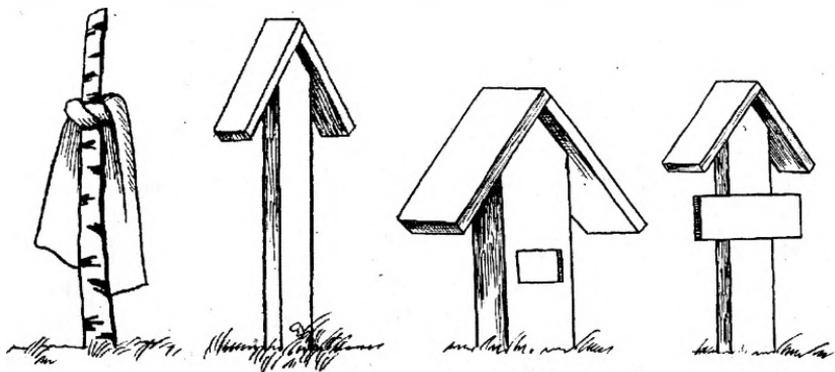
Современные финно-угорские зодчие, осознав роль народной религии в этнической идентификации и сохранении традиционной культуры, также активно включились в разработку проектов языческих культовых мест. Так, архитектором В.В. Мамуткиным подготовлен проект молельного дома для приверженцев марийской языческой веры. Центр духовной культуры удмуртов, включающий храм, учебно-гостиничный комплекс и религиозно-обрядовую зону со священной рощей, участком с камнями и родниками, спроектирован архитектором К.Ш. Галихановым.

Культовый ансамбль марийских языческих кладбищ состоит из ворот, ограждений и надмогильных памятников.

В средневековых погребениях мари обнаружены жертвенно-ритуальные комплексы, называемые археологами комплексами даров, жертвенными комплексами, жертвенными комплексами вещей. Они включали компактно расположенные в емкости или «традиционном для них месте расположения» кости животных в сосудах, котлах, туесах, которые в древнемарийских могильниках помещались в могиле рядом с погребенным, в засыпи могильной ямы или в межмогильном пространстве [Никитина 2002: 76–77]. Смысл этого явления Т.Б. Никитина объясняет составной частью обряда захоронения (жертвенного комплекса в погребениях), поминальными действиями и ритуалами (жертвенный комплекс в засыпи могильных ям и в межмогильном пространстве) и подтверждением тому приводит поминальные обряды [Никитина 2002: 83].

В ходе полевых экспедиций нам удалось зафиксировать несколько языческих кладбищ (д. Керде Оршанского района, д.Ильпанур Параньгинского района). В этих смешанных кладбищах, как правило, около половины памятников являются языческими. Их территория со всех сторон ограждена изгородью, имеет ворота.

Языческие погребения представлены здесь в следующих типах надмогильных памятников. Первый тип представляет обычные деревянные шесты из стволов молодых берез или веток, которые обвязываются белым полотенцем. Подобные мемориальные шесты известны у карел. Об этом Ю.Ю. Сурхаско пишет: «Традиционным, завершающим погребение действием, исполнение которого карелы практически повсеместно считали в прошлом обязательным, было обвязывание креста (либо заменявшего его [шеста – В.К.] полотенцем или хотя бы лоскутом белой ткани – «ветряным платком» (tuuliraikka)... Иногда полотенце привязывали не к кресту, а к стволу близлежащего дерева. О том, насколько большое значение карелы придавали и продолжают придавать поныне обычаю вешать на кресты «ветряные платки», свидетель-

Надмогильные памятники языческих кладбищ. Рисунок автора

ствует факт широкого бытования этого обычая еще в наши дни. Первоначальная мотивировка обычая уже, по-видимому, основательно забыта. Население рассматривает такие платки как «утиральники покойников» и как один из видов приношений умершему родичу: не случайно, посещая могилы родственников, женщины всякий раз привязывают к крестам новые «ветряные платки». Словом, так или иначе, но в данном случае нельзя не видеть одно из разнообразных проявлений культа мертвых» [Сурхаско 1885: 109–110].

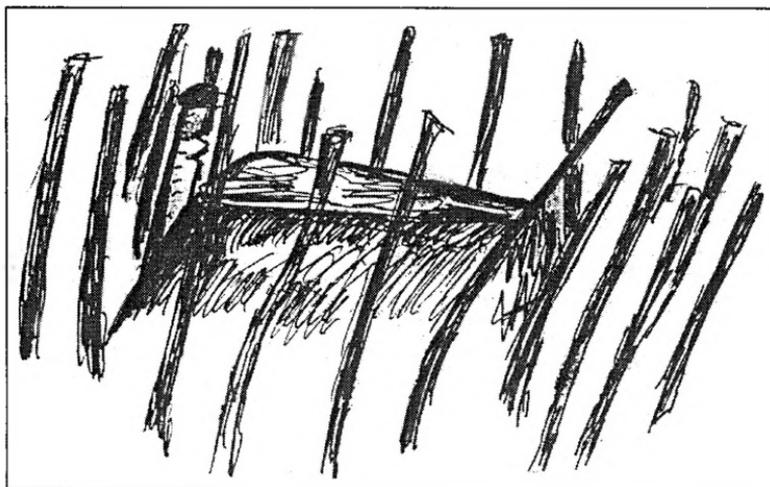
Другим типом мемориальных памятников в языческих кладбищах марийцев являются вертикально установленные деревянные брусы высотой до 1–1,2 метра, завершенные сверху двускатной крышкой. Третий тип представляют невысокие широкие деревянные памятники из бруса высотой до 0,5 метра. К ним дополнительно прикрепляются деревянные дощечки с фамилией, именем и датами жизни усопшего.

У марийцев-двоеверцев синкретической языческо-христианской веры на крест также вешали платки. А у восточных марийцев деревянный шест на могилах достигал высоты 2–3 метра, на нем помещалась резная фигура птицы кукушки (куку) [Инф. Г.А. Сепеев].

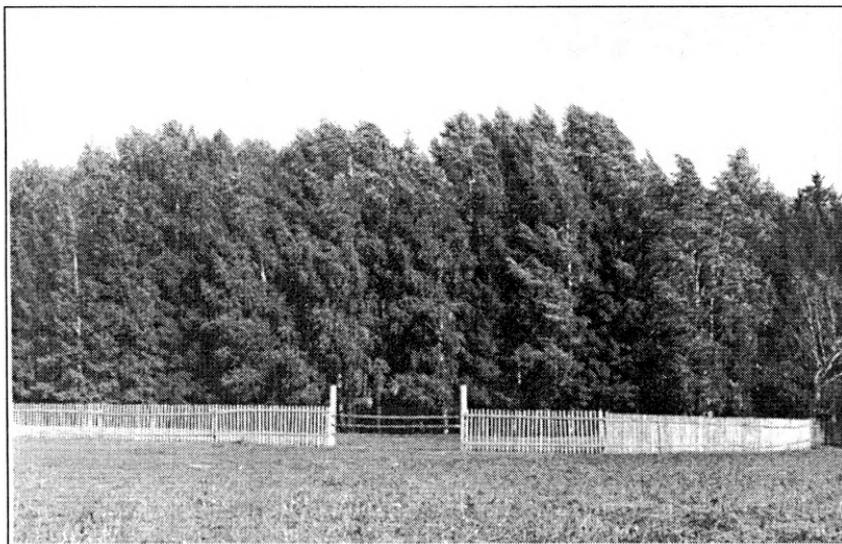
Свидетельством почитания усопших являются белые надмогильные полотенца на многих языческих памятниках: *Колышым пагален калык солыкым сака шўгар менгыш* –

Почитая усопших, люди оставляют на надмогильных памятниках полотенца [Инф. У.К. Мухина, 1918 г.р., д. Ильпанур Параньгинского р-на]. На современных кладбищах над могилами язычников-марийцев сооружается металлический или деревянный памятник с тремя наконечниками, символизирующими три начала, – *киямат тӧра*, *киямат савус* и самого покойника [зафиксирован в д. Ильпанур Параньгинского р-на].

В.М. Васильев, описывая конфессиональное движение религиозной секты «Кугу сорта», акцентировал внимание на том, что каждый сектант имел два дома, в одном из них он жил, в другом проводил культовые обряды, моления и беседы; также он заметил то, что «...у некоторых сектантов имеется во дворе огороженный кругом сад для молений (*кумалме пече*)» [Васильев 1927а: 133]. «Другой момент, тоже очень характерный, служащий для еще большего подтверждения и оправдания указанного быта и оседлой жизни вообще, это наличие плана двора сектантов из восковой пластинки, – продолжает В.М.Васильев. – Обрядовое же подтверждение указанного факта надо видеть в устройстве моления со

Могила колдуна (по М. Маркелову)

Кладбище. Фото автора

всесожжением, в котором принесены в жертву кроме обычных молитвенных продуктов еще все орудия земледельческого быта в видах моделей, а в том числе и планы дворов и восковой пластинки всех сектантов» [Васильев 1927б: 34]. Он же замечал, что в 1907 году в сентябре месяце в каждой дворовой роще после краткого общественного моления схоронены в земле по семи столиков, сделанных из семи различных материалов, соответствующих все тем же семи низшим началам, т.е. из березы, конопля, ржаной соломы, липы, вербы, овсяной соломы и травы. На каждом столике положено по семь семян из тех же вышеупомянутых материалов [Васильев 1927б: 35]. Такой столик, служивший для семейного моления, удалось зафиксировать в д. Турша Медведевского района в хозяйстве Охотникова Евдокима Ивановича (1818–1910). Хозяин дома сам владел ремеслом резьбы по дереву, искусством плетения, другими традиционными ремеслами.

Таким образом, изучение культового зодчества связано с этнической спецификой и включает многие аспекты компо-

зиционно-планировочных, конструктивных решений, также разработку малых форм архитектуры. Традиция организации культовых мест взаимосвязана с естественным природным ландшафтом. Устойчивость испытанных временем отдельных архитектурных элементов подтверждают сохранившиеся до сих пор культовые места. К сожалению, не все элементы культового зодчества дошли до нас. Однако те, которые зафиксированы, можно отнести к древности и современной этнографии, к истории искусства и к архитектуре. Именно они являются основополагающими для дальнейшего изучения культового зодчества марийцев.

Священное дерево. Акварель А. Рейнхольма
(Holmberg 1927: Plate XXXVIII)

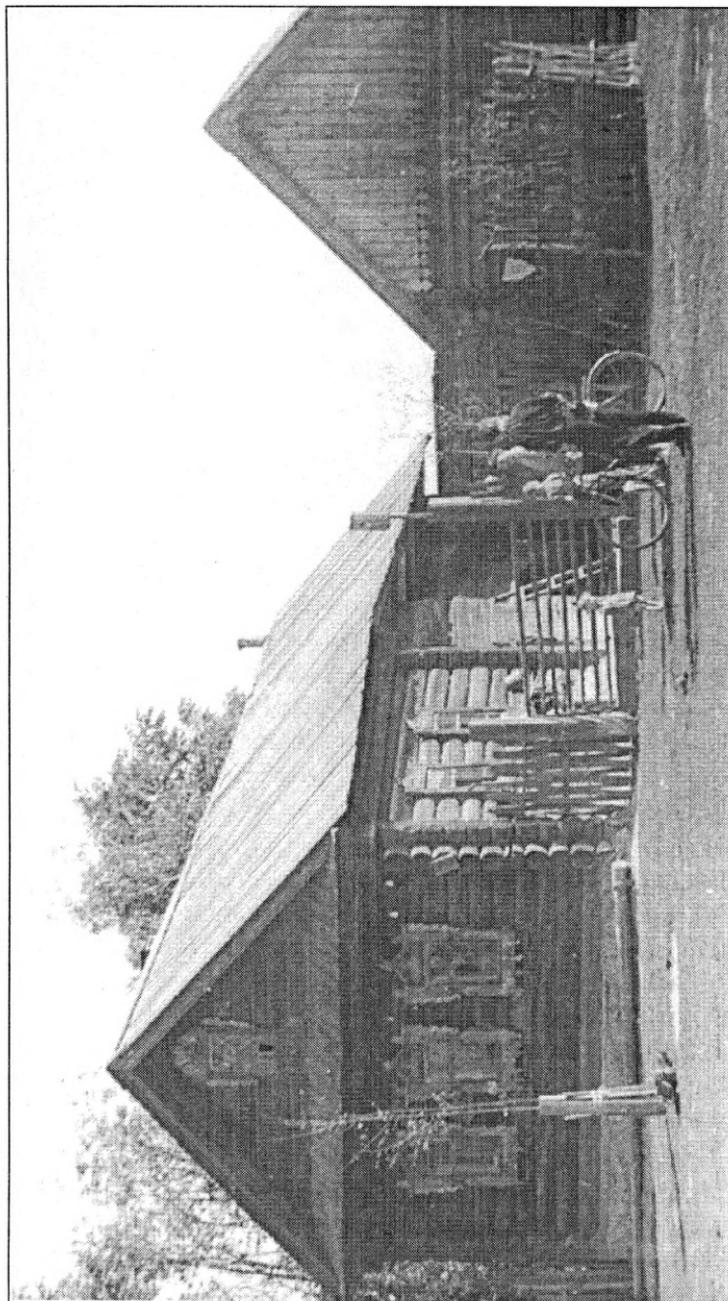
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа обобщает исследование в области традиционной ансамблевой организации жизненного пространства марийцев в материальном и духовном аспектах. Изучение архивных и опубликованных материалов по деревянному зодчеству, наблюдения во время полевых экспедиций позволили выявить характерные особенности поселений и жилищ, хозяйственных и культовых построек, историческую динамику их развития.

Деревянное зодчество марийцев – это не только историко-этнографический, но, прежде всего, архитектурно-художественный феномен. Поселения и жилища, мемориальные и культовые сооружения являются важнейшей частью материальной и духовной культуры народа, наделены определенным художественным образом и условно-символическим решением. На сохранившиеся самобытные черты также оказали влияние различные инонациональные проявления.

Народные зодчие, исходя из местных природных условий, выработали устойчивые приемы архитектурно-планировочных решений сельских поселений и усадеб. Все постройки марийского двора обычно были органично связаны между собой функционально. Эта связь достигалась благодаря целостной организации входящих в его состав построек и ограждений, ворот и зеленых насаждений. При планировке особое внимание уделялось ансамблевому решению, в котором большая роль отводилась традиционным постройкам (ворота, амбары, куды, овин) со строгим лаконичным убранством и выразительными архитектурными конструкциями.

В настоящее время поселения, жилища и хозяйственные постройки в основном сохранили традиционные особенности,

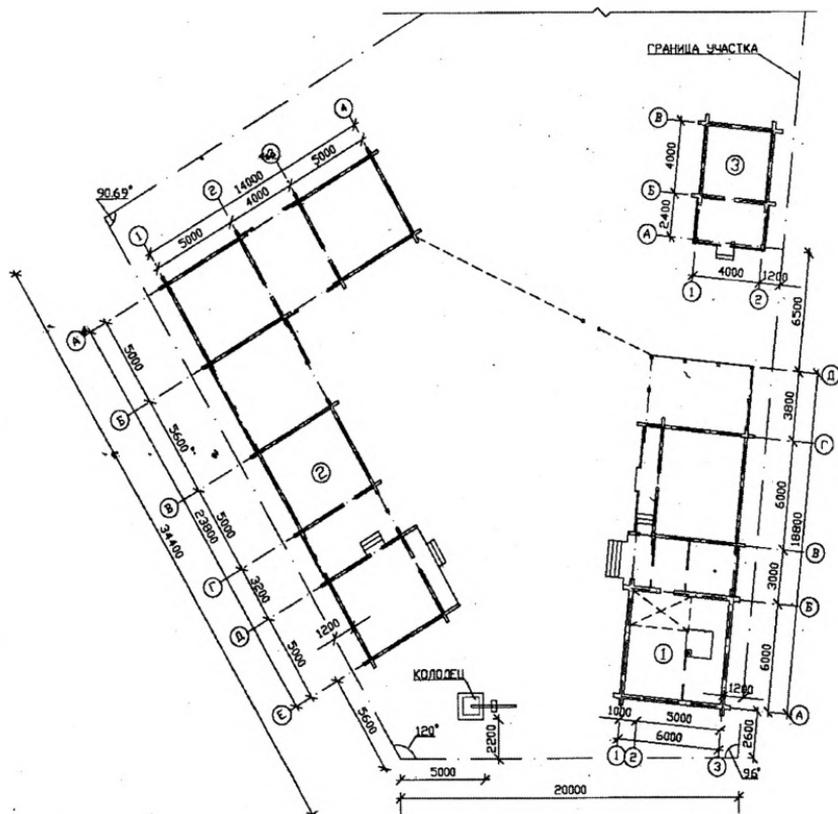

Дом. Фото Г. Селеева (НРФ МарНИИ. МЭЭ 1966. Д. 40. Л. 23)

но подверглись влиянию модернизации и новых технологических процессов в связи с использованием новых строительных материалов. Эти особенности, характеризующие поселения и жилища, относительно однородны, в какой-то мере характерны и для других народов, расселенных в регионе. Они сформировались в результате многовекового совместного проживания в сходных природно-климатических условиях региона. Можно заметить, что эти особенности являются общерегиональными, часть из них можно охарактеризовать как этнические, которые ярче всего проявились в сфере духовной культуры, а именно, в области религиозных представлений и верований марийцев. В настоящее время, в связи с изменением семиотического статуса жилища, многие представления и обряды перестали существовать или сильно изменились. Вместе с тем, например, строительство современных деревянных домов, даже кирпичных, сопровождается рядом обрядовых действий. Широко распространены традиционные представления о матице, печи, переднем угле, пороге, в них наиболее консервативно выражаются проявления духовной культуры. Также сохранились представления о священных рощах и кудо. И хотя обряды в большинстве из них уже не проводятся, эти места остаются табуированными и почитаемыми.

Пути совершенствования сельской архитектурной среды сегодня состоят в том, чтобы, не теряя особенностей, продиктованных временем (индустриализация строительного производства), сделать ее более органичной, разнообразной, тесно связанной с природой. Поэтому современным архитекторам предстоит решать сложные задачи по созданию художественного облика сельских населенных мест. Если раньше народ сам являлся коллективным творцом и использовал традиционный многовековой опыт и развитый художественный вкус, то сегодня главным создателем является архитектор.

Жизнедеятельность народа, его мировоззрение, формы хозяйственной деятельности, общественных и семейных отношений отразились в таких типичных сооружениях, как кудо (изначально использовался как культовый центр рода),

*В. Мамуткин. Марийская усадьба в г. Залазгерсег.
План: 1 – жилой дом, 2 – хозяйственный блок, 3 – баня*

овин-шиш, марла капка, двухэтажный амбар, система ограждений и надмогильных мемориальных памятников. Эта многовековая практика народных умельцев может послужить отправной точкой в творческом использовании народного наследия современными зодчими, в практике традиционного деревянного строительства. Использование местных материалов является характерной чертой народного зодчества, так как они определяли в результате тектонику и художественный образ построек, архитектуру, органично связанную с окружающим ландшафтом. Поэтому в современ-

ной архитектурной практике следует как можно больше использовать местные строительные материалы.

В планировке поселений марийцы учитывали природный фактор. Рационализм в деревянном строительстве имеет древние традиции. Он основан на учете природных условий и функциональных назначений построек, является отличительной особенностью народного зодчества. Это прослеживается в планировке ансамбля поселений и у других финно-угорских народов.

Традиции народного деревянного зодчества марийцев необходимо сохранять и в современной культуре, так как они имеют большую практическую ценность. Так, архитектором В.В. Мамуткиным (научные консультанты В.Г. Кудрявцев и Г.А. Сепеев) был разработан проект марийской усадьбы Музея под открытым небом в венгерском городе Залаэгерсег, строительство осуществлено в 2000 году сельскими мастерами из д.Шоруньжа Моркинского района. Использование методов современного проектирования позволило В.В.Мамуткину включить в осуществленный проект во многом забытые традиции в культуре марийского народа.

Сегодня особенно важно изучать этот огромный пласт духовной культуры, сохранять самобытные этнические традиции наших предков.

Словарь терминов и понятий

Авун, агун, а́н – овин

Агавайрем ото – роща для проведения языческого праздника пашни «Агавайрем»

Алдыр – большой деревянный ковш для разливания пива

Аньык капка – ворота-заборы из разборных жердей или досок

Арвагудо – клетушка для хранения мякины и отрубей, мякинница, сарай для мякины

Вашклат, вэскэ – клеть с подклетью

Вашпóрт – трехраздельный дом под одной крышей «изба+сени+изба»

Возак – закрытый очаг сбоку шестка

Вопш – борть, дупло, где живут дикие пчелы

Вопш кандра, вопш керем – веревка для влезания на бортные деревья; бортевая веревка

Вургем клат – клеть, кладовая для одежды

Вүд вакш – водяная мельница

Вүма, вима – взаимопомощь, общественная помощь

Вүта, вича – хлеб

Идым, йыдым, анпичы – гумно, ток; отгороженное место, где складывали и молотили сжатый хлеб

Идым леваш – крытый ток-сарай для молотьбы

Идым чара – открытый ток; площадка для молотьбы

Изи кудо – часть кудо, небольшое отделение у задней стены, место хранения ритуальных предметов и посуды

Изи пóрт – малая изба

Ий, нўске – долото, пешня для долбления ульев, колод, корыт и колки льда

Илем, сурт – жилище, жилье, усадьба, двор, одно- или малодворное селище, поселение

Каван шаге – подмости для хлебных кладей

Кашка омарта, пундыш омарта – колодный улей, улей-колода, улей из кряжа

Кашта – перекладина

Кидвакш – ручная мельница

Кинде клат – хлебный амбар

Коигга, комака – печь, сооружение для отопления

Кок пачашан клат, ўмбала клат, пулдыр – двухэтажный амбар-

клеть

Кугу олымбал – нары, широкие лавки

Кудвече, кудвичы – двор

Кудо, куды – летняя кухня в виде легкой бревенчатой постройки без пола, потолка и окна; центр культово-обрядовой жизни семьи

Кудо-водыж – дух-покровитель жилища, домовый

Кудугылан пӧрт – дом-пятистенок

Кӱсото – священная роща; мольбище; языческая молитвенная роща

Ленгеж, калнык – долбленая цилиндрическая посуда со вставным дном

Леваш, левич, лапас – сарай; крытое строение обычно без потолочных перекрытий

Ломаш пече – изгородь-прясло из жердей

Лӧка – полук в бане

Мардежвакш – ветряная мельница

Марла авун, марла а̀н – овин-шиш, старинный марийский овин

Марла капка – одностворчатые ворота без крыши на двух столбах с широким полотном из колотых досок или жердей

Марла леведыш – самцовое перекрытие крыши

Маскайол, кӱртныййол – приспособление для влезания на бортные деревья

Монча, моца, момоца – баня

Мӱкш отар – пасека

Нӧреп, мӱгыреп – погреб, яма

Окна, тӧрза – окно

Олдырчо, чыгыр – блок, приспособление для поднятия улья-колоды на дерево

Олымбал – лавка для сидения

Онапу – священное дерево; дерево, перед которым совершается моление

Ончыл оралте – передняя чистая половина двора

Оралте, аралты – двор, дворовые постройки

Орол пӧрт – пожарный сарай, сторожка

Ото – роща; небольшой лес, чаще лиственный; священная роща

Пасу капка – полевые ворота

Пече – изгородь

Починга – починок

Пӧрт – бревенчатое срубное жилище, жилая изба

- Пóрт авун, рушла авун* – срубный овин
Пóртончыл – сени
Пóрт-пóртончыл – двухраздельное жилище «изба + сени»
Рушла агун, рушла а́н – русский овин
Рушла капка – ворота по русскому образцу на трех-четырёх столбах с двумя полотнищами и с крышей
Сурт, суртолмо – усадьба
Таве – колодец
Тошкeм, идым-пакча, садвече – задворки усадьбы
Тумер – дубрава
Тужвал пóртончыл – крыльцо
Умлавече – хмельник
Чытан пече, чыкма пече – плетень из гибких веток
Чытыр пече – изгородь из тонких жердей
Шаге – жертвенник
Шалдыра капка – ворота из жердей или досок
Шенгел оралте – задняя часть двора с животноводческими постройками
Шельк (сельк, шилык) – место проведения ритуальных обрядов;
шелык ото – место моления (роща)
Шóрлык – полка; прикрепленный к стене шкаф для посуды
Шўгарла – кладбище
Ял, ал, аул, сола – деревня, село
Ялыыр пече – изгородь вокруг деревни

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
МЭЭ	– Материалы этнографической экспедиции
НРФ МарНИИ	– Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ
SUKA	– Архив Музейного ведомства Финляндии
SUSA	– Архив Финно-угорского общества (Хельсинки)
Инф.	– Информатор

Источники

- Антропологическая комплексная экспедиция Московского государственного университета. 1929 // НРФ МарНИИ. Оп.1. Д. 289. Тетр. 3.
- Апчаев В. 1981. Обряды и обычаи восточных марийцев, связанные с постройкой жилища // НРФ МарНИИ. Оп.1. Д. 582.
- Вихманн Юлия. 1913. Очерки по марийской этнографии. Хельсинки // НРФ МарНИИ. Оп.1. Д. 594 (перевод с немецкого).
- Евсеев Т.Е. 1908. Тетрадь для записи этнографических сведений «О развитии жилища у финского народа – черемиса» // Архив Финно-угорского общества. SUSÅ 1. 24; 1. 25.
- Евсеев Т.Е. Основные черты быта марийцев // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 80.
- Мамаев В.М. 1963. Мустай ялын илыш корныжо (историйже) // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 116.
- Холмберг У. 1926. Религия черемис. Порвоо (рукопись перевода) // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 92.
- Червонная С.М., Кудрявцев В.Г. 1986. Комплексная экспедиция Академии художеств СССР по декоративно-прикладному искусству в Марийской АССР // НРФ МарНИИ. МЭЭ–86, № 109.

Использованная литература

- Андреев И.А. 1981. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Вып.5. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А. 1962. Городища первой половины I тысячелетия н.э. в Марийской АССР // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2: Железный век Марийского края. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., Халиков А.Х. 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола.
- Байбурин А.К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.
- Вавилин В.Ф. 1980. Мордовское народное зодчество. Учебное пособие. Саранск.

- Васильев В.М.* 1927а. Религиозная секта «Кугу сорта» // Марий Эл. № 7–9.
- Васильев В.М.* 1927б. Религиозная секта «Кугу сорта». Краснококшайск.
- Владыкин В.Е.* 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск.
- Вовина О.П.* 2002. Чувашская киреметь: традиции и символы в освоении сакрального пространства // Этнографическое обозрение. № 4.
- Воробьев Н.И.* 1956. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // КСИЭ. М.
- Георги И.Г.* 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. СПб.
- Горюнова Е.И.* 1963. Жилище у мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Морд. этногр. экспедиции. Вып. II. М.
- Данилов О.В.* 1989. Важнангерский жертвенник и некоторые черты марийского язычества // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола.
- Евсеев Т.* 2002. Этнографические коллекции. Йошкар-Ола.
- Егоров Ф.* 1929. Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск.
- Емичев А.И.* 1836. Мифология вотяков и черемис // Современник. Т. II. СПб.
- Иванов А.Г.* 1982. Расселение горных марийцев в XVIII веке // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола.
- Иванов А.Г.* 1995. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола.
- История Марийского края в документах и материалах. 1992. Вып. 1. Эпоха феодализма / Сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола.
- Калиев Ю.* 1996. Культ Керемета // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. № 1.
- Калиев Ю.А.* 2003. Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола.
- Калинина О.А.* 2002. Традиционная праздничная обрядность в современной жизни марийцев // Этническая культура марийцев (традиции и современность). АЭМК. Вып. 26. Йошкар-Ола.
- Китиков А.Е.* 1989. Марий калык пале-влак [Марийские народные приметы]. Йошкар-Ола.
- Климов К.М.* 1999. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX–XX вв. Ижевск.
- Козлов Л.Г., Сепеев Г.А.* 1986. Планировка марийского двора и жилища (традиции и современность) // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. Вып. 10. Йошкар-Ола.

- Козлова К.И. 1964. Этнография народов Поволжья. М.
- Козлова К.И. 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.
- Кошаев В.Б. 2001. Традиционное жилище народов Западного Приуралья. Ижевск.
- Крюкова Т.А. 1956. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.
- Кудрявцев В. 2000а. Культовое зодчество марийцев // Финно-угроведение. № 1.
- Кудрявцев В. 2000б. Культовое место и религиозная практика мари // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7–13.8.2000. Tartu. Pars VII. Tartu.
- Кузнецов С.К. 1905. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария / Отдельный оттиск из «Этнографического обозрения». Кн. LXIV. М.
- Лифанов Н.А. 1997. Домостроительство лесостепного Поволжья второй – третьей четверти I тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Макушкин Н.П. 1963. Поселения мордвы на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Морд. этногр. экспедиции. Вып. II. М.
- Мамаева М.Н. 1994. Музыка в языческой религии // Научно-практический семинар «Молодежь и традиционная культура финно-угорских народов»: 23–25 июня 1994 г. Йошкар-Ола.
- Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития. 2000. Йошкар-Ола.
- Матюнина Я.В. 1990. Архитектура сельской усадьбы Марийской АССР. Автореф. дис. ... канд. тех. наук. Л.
- Мехоношин П.А. 1931. Планировка изб в сельских местностях Мароблас-ти // Марий илыш. Вып. 4.
- Миллер Г.Ф. 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш, вотяков. СПб.
- Мордва. 1995. Историко-культурные очерки. Саранск.
- Морохин Н.В. 1997. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев.
- На земле горных мари / Сост. К. Юадаров. 1995. Йошкар-Ола.
- Некрасова М.А. 1988. Проблема ансамбля в декоративном искусстве // Искусство ансамбля. М.
- Никитин В.В. 1997. Мезолит и неолит лесной полосы Среднего Поволжья. Научный доклад... дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С. 1982. Жилище Баркужерского IV поселения // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. 2002. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // Труды МарАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б. 1999. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.

Никитина Т.Б. 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола.

Никольский Д.П. 1897. Этнографическо-антропологический очерк восточных черемис // Труды Антропологического общества при Военно-медицинской академии. 1894–95 уч. год. Т.2. СПб.

Никонова Л.И., Кандрина И.А. 2003. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья. Саранск.

Орфинский В.П. 1972. Деревянное зодчество Карелии. Л.

Патрушев В.С. 1982. Жилища эпохи поздней бронзы в Марийском крае // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып.6. Йошкар-Ола.

Петров В.Н. 2000. Марийская народная медицина. Йошкар-Ола.

Пинт А. 1931. К истории удмуртского жилища // Записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2. На удмуртские темы. М.

Попов Н.С. 1981. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Вып. 5. Йошкар-Ола.

Попов Н.С. 2002. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность). Йошкар-Ола.

Попов Н.С. 1996. На марийском языческом молении // Этнографическое обозрение. № 3.

Попов Н.С. 1813. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб.

Риттих А.Ф. 1870. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч.2. Казань.

Садиков Р.Р. 2000. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Уфа.

Семенов Т. 1893. Черемисы. Этнографический очерк. М.

Сепеев Г.А. 1965. Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань.

Сепеев Г.А. 1975. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А., Андреев И.А. 1979. Материалы к истории пчеловодства у марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края. АЭМК. Вып. IV. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 1982. Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А., Молотова Т.Л. 1984. Вопросы материальной культуры марийцев в отечественной и зарубежной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. Вып.7. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 1986. О некоторых общих традициях в духовной культуре поволжских финнов // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. Вып.10. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 1989. Динамика сельского жилища марийцев (XIX–XX вв.) // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. АЭМК. Вып.16. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 1994. Основные направления этнокультурных связей марийцев // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1991–1993 гг. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 2000. Илем. Суртолмо да кудывече. Илыме порт // Марий калыкын этнографийже. Кугурак класслаште тунемше-влаклан пособий / Г.А. Сепеев ямдылен. Йошкар-Ола.

Сепеев Г.А. 2001. Жилище // Этнография марийского народа. Учебное пособие для старших классов / Сост. Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола.

Симонов А.Г. 1976. Кучевой план в застройке селений народов Среднего Поволжья // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. АЭМК. Вып. 1. Йошкар-Ола.

Словарь марийского языка. 1994. Т. III. Йошкар-Ола.

Смирнов И.Н. 1889. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань.

Соловьев Б.С. 1998. Поселения и постройки эпохи раннего металла Марийского Поволжья. Йошкар-Ола.

Соловьева Г.И. 1986. Марийская народная резьба по дереву. Йошкар-Ола.

Список населенных мест Казанской губернии. 1898. Казань.

Сурхаско Ю.Ю. 1985. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.

Тойдыбекова Л.С. 1997. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу.

Троцкая Н. 1893. Черемисы Арбанской волости // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т.ХI. Казань.

Ушаков Ю.С. 1982. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Пространственная организация. Композиционные приемы. Восприятие. Л.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. 1999. Ижевск.

Халиков А.Х. 1978. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н.э. М.

- Харузин Н.* 1895. Очерк развития жилища у финнов. М.
- Хлебникова Т.А.* 1967. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1952 и 1964 годах // Труды МарНИИ. Вып. XXII. Йошкар-Ола.
- Чагин Г.Н.* 1998. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Пермь.
- Шумилов Е.Ф.* 1975. Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы // Искусство Удмуртии. Ижевск.
- Шутова Н.И.* 2000. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Элиаде М.* 2000. Аспекты мифа / Пер. с франц. М.
- Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (до середины 1980-х годов). 1991. Чебоксары.
- Янтемир М.Н.* 1926. Типы расселений в Марийской области // Марийское хозяйство. Краснококшайск. №7–9.
- Ярыгин А.Ф.* 1976. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола.
- Hämäläinen A.* 1930. Beiträge zur Ethnographie der Ostfinnen. SUS // JSFO. 44. Helsinki.
- Harva-Holmberg U.* 1926. Die Religion der Tcheremissen. Porvoo.
- Holmberg U.* 1927. Finno-Ugric Mythology / The Mythology of All Races. V. IV. Boston.
- Heikel A.O.* 1888. Die Gebäude der Tcheremissen, Mordvinen, Esten und Finnen // JSFOu. Bd.4. Helsingfors.
- Jevsevjev Timofej.* 2002. Tcheremissien rakennukset. Cheremiis Buildings. Tthnographica Jevsevjeviana / Toimittanut Ildikó Lehtinen. Helsinki.
- Sepeev G.A.* 1993. Marien saunan monet tehtavat // Sauna. № 4.
- Sirelius U.T.* 1906–1911. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker // FUF. VI–X. Helsingfors.
- Wichmann J.* 1913. Beiträge zur Ethnographie der Tcheremissen. Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. К проблеме ансамбля в деревянном зодчестве (поселения, планировка и застройка усадеб и дворов, архитектура ворот и ограждений)	13
Глава 2. Строения (жилище, хозяйственные постройки)	41
Глава 3. Культовые места как феномен этнической культуры (кудо, ансамбль культовых мест, надмогильные памятники)	85
Заключение	105
Словарь терминов и понятий	110
Список сокращений	112
Источники	113
Использованная литература	113

КУДРЯВЦЕВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО МАРИЙЦЕВ

Монография

Издано при содействии
ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»

Ответственный за выпуск *Т.А. Рыбалка*
Редактор, корректор *А.А. Крылова*
Технический редактор *Т.А. Рыбалка*
Художественный редактор *В.Г. Кудрявцев*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Цветные фотографии,
компьютерный набор *В.Г. Кудрявцева*
Компьютерная обработка цветных
фотографий *Л.Г. Маланкиной*

На форзаце использованы
рисунки *А. Рейнхольма*

Подписано в печать 23. 09.2004.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 6, 97 + 0,5 вкл. Уч.изд. л. 5, 77.
Заказ № 2184. Тираж 500.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

